

ОДИССЕЙ

2012

Предательство:
опыт исторического анализа

История в средневековой
арабо-мусульманской системе знаний

Крещение детей и монстров
в средневековой Скандинавии

А. Н. Савин:
неизвестная жизнь известного историка

НАУКА

УДК 94
ББК 63.3(0)
О-42

Издание основано в 1989 году

Главный редактор А.О. ЧУБАРЬЯН

Редакционная коллегия:

Ю.Е. АРНАУТОВА (зам. главного редактора), Л.М. БАТКИН,
Г.В. БОНДАРЕНКО, А.Б. ГЕРШТЕЙН (ответственный секретарь),
И.Н. ДАНИЛЕВСКИЙ, Б.С. КАГАНОВИЧ, О.Е. КОШЕЛЕВА,
К.А. ЛЕВИНСОН, С.И. ЛУЧИЦКАЯ (составитель и зам. главного редактора),
А.А. ПАНЧЕНКО, М.Ю. ПАРАМОНОВА, Л.П. РЕПИНА, А.В. ТОЛСТИКОВ,
П.Ю. УВАРОВ, Д.Э. ХАРИТОНОВИЧ

Редакционный совет:

Ю.Н. АФАНАСЬЕВ, В. ВЖОЗЕК, Н. ЗЕМОН ДЭВИС,
Вяч.Вс. ИВАНОВ, Ж. Ле ГОФФ, С.В. ОБОЛЕНСКАЯ,
Ж.-К. ШМИТТ, О.Г. ЭКСЛЕ, М. ЭМАР

Рецензенты:

доктор исторических наук М.В. ДМИТРИЕВ,
доктор исторических наук С.К. ЦАТУРОВА

ISBN 978-5-02-038028-8 © Институт всеобщей истории РАН, 2012
© Лучицкая С.И., составление, 2012
© Коллектив авторов, 2012
© Российская академия наук и издательство
“Наука”, продолжающееся издание
“Одиссей. Человек в истории”
(разработка, оформление), 1989
(год основания), 2012
© Редакционно-издательское оформление.
Издательство “Наука”, 2012

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДАТЕЛЬСТВО: ОПЫТ ИСТОРИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

<i>К.А. Левинсон</i> ПРЕДИСЛОВИЕ	5
<i>С.И. Лучицкая</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО И ИЗМЕНА В <i>CHANSONS DE GESTE</i> XII–XIII вв. .	10
<i>А.Б. Герштейн</i> КРЕСТОВЫЙ ПОХОД ФРИДРИХА II: ПРЕДАТЕЛЬСТВО КРЕСТОНОСНОЙ ИДЕИ?	45
<i>Р.О. Шляхтин</i> ПРЕДАТЕЛЬСТВО НА ПОНТЕ: ИЗМЕННИКИ, РЕНЕГАТЫ И ПЕРЕБЕЖЧИКИ В ВИЗАНТИЙСКО-СЕЛЬДЖУКСКОМ ВОЕННОМ КОНФЛИКТЕ (1170–1204 годы)	74
<i>О.И. Тогоева</i> РЫЖИЙ ЛЕВША: ТЕМА ПРЕДАТЕЛЬСТВА ИУДЫ В СРЕДНЕ- ВЕКОВОМ ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ	98
<i>Е.Д. Браун</i> РИЧАРД III И “ПРИНЦЫ В ТАУЭРЕ”: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ	113
<i>О.В. Окунева</i> ПРЕДАТЕЛИ И ПРЕДАТЕЛЬСТВО ВО ФРАНЦУЗСКОЙ БРАЗИЛИИ XVI – НАЧАЛА XVII в.	139
<i>Л.А. Пименова</i> КОГДА КОРОЛЬ СТАНОВИТСЯ ПРЕДАТЕЛЕМ	167
ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ	
<i>В.А. Кузнецов</i> ЖИЗНЬ ДО РОЖДЕНИЯ: ИСТОРИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ АРАБО- МУСУЛЬМАНСКОЙ СИСТЕМЕ ЗНАНИЙ	184
ИСТОРИК И ВРЕМЯ	
<i>А.В. Шарова</i> АЛЕКСАНДР НИКОЛАЕВИЧ САВИН: НЕИЗВЕСТНАЯ ЖИЗНЬ ИЗВЕСТНОГО ИСТОРИКА	212

<i>Г. Альгази</i>	
ОТТО БРУННЕР – “КОНКРЕТНЫЙ ПОРЯДОК” И ЯЗЫК ВРЕМЕНИ	244

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

<i>Ю.Ф. Игина</i>	
МЕМОРИА ЛЖЕДМИТРИЯ I КАК СПОСОБ ЛЕГИТИМАЦИИ И МАНИФЕСТАЦИИ ЕГО ВЛАСТИ	280

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

<i>К.А. Левинсон</i>	
“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ	322

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ

<i>А.В. Бусыгин</i>	
МЕЖДУ КАНОНИЧЕСКИМ ПРАВОМ И ЦЕРКОВНЫМ ФОЛЬКЛОРОМ: КРЕЩЕНИЕ ДЕТЕЙ И МОНСТРОВ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ СКАНДИНАВИИ	362
<i>М.Ю. Зенченко</i>	
ДИНАСТИЧЕСКИЙ КРИЗИС ВЕСНЫ 1682 ГОДА: СОБЫТИЕ И ЕГО ВЕРСИИ	384

РОССИЯ: QUO VADIS?

<i>Б.В. Дубин</i>	
МАНИФЕСТАЦИИ ПУБЛИЧНОГО НЕДОВОЛЬСТВА В МОСКВЕ 2011–2012 гг. : ТОЧКА СДВИГА ИЛИ ЛИНИЯ ПЕРЕЛОМА?	428

ИСТОРИЯ И МИФОЛОГИЯ

<i>Г.В. Бондаренко</i>	
КУ РОИ И СВЯТОГОР: ВАРИАЦИИ ХТОНИЧЕСКОГО СЮЖЕТА	448

РЕЦЕНЗИИ

<i>М.Н. Соколов</i>	
ПРОСТРАНСТВО КУЛЬТА И ПРОСТРАНСТВО ИСКУССТВОВЕДЕНИЯ: СОЗВУЧИЯ И ДИССОНАНСЫ	
<i>А.М. Лидов.</i> Иеротопия: Пространственные иконы и образы-парадигмы в византийской культуре. М., 2009	464
<i>Т.М. Васильева</i>	
GESAMTKUNSTWRACK, ИЛИ О НОВОЙ КНИГЕ А.М. ЛИДОВА ...	474
<i>А.Б. Герштейн</i>	
СОХРАНЯЯ ПРАВО: “ВАРВАРСКАЯ ПРАВДА” МЕЖДУ РИМСКОЙ ТРАДИЦИЕЙ И ЦЕРКОВНЫМИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛАМИ	

Вестготская правда: (Книга приговоров): [Латинский текст. Перевод. Исследование] / Отв. ред. О.В. Ауров, А.В. Марей. М., 2012	481
НАШИ ЮБИЛЯРЫ	
Л.М. БАТКИНУ 80 ЛЕТ	489
IN MEMORIAM	
ГЕОРГИЙ СТЕПАНОВИЧ КНАБЕ (20 августа 1920–30 ноября 2011)	491
ПАМЯТИ СВЕТЛАНЫ ВАЛЕРИАНОВНЫ ОБОЛЕНСКОЙ (12.04.1925–26.10.2012)	494
ХРОНИКА	
<i>Н.Ф. Сокольская</i>	
МИГРАЦИЯ И ИММИГРАНТЫ В ЭПОХУ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ: ПРОБЛЕМА И ВОЗМОЖНОСТИ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ	497
SUMMARIES	502

CONTENTS

TREASON: A HORIZON OF HISTORICAL EXPERIENCE

<i>K.A. Levinson</i>	
INTRODUCTION	5
<i>S.I. Luchitskaya</i>	
TREASON AND BETRAYAL IN TWELFTH AND THIRTEENTH CENTURY CHANSONS DE GESTE	10
<i>A.B. Gerstein</i>	
THE CRUSADE OF FREDERICK II: BETRAYAL OF THE CRUSADE IDEA	45
<i>R.O. Shliahtin</i>	
TREASON IN PONTUS: TRAITORS, RENEGADES AND DEFECTORS IN THE BYZANTINE-SELJUK MILITARY CONFLICT (1170–1204)	74
<i>O.I. Togoieva</i>	
RED-HAIRED AND LEFT-HANDED: JUDAS' BETRAYAL IN THE MEDIEVAL LEGAL DISCOURSE	98
<i>E.D. Braun</i>	
RICHARD III AND 'THE PRINCES IN THE TOWER': THE BIRTH OF A LEGEND	113
<i>O.V. Okuneva</i>	
TREASON AND TRAITORS IN FRENCH BRAZILE DURING THE SIXTEENTH AND TE BEGINNING SEVENTEENTH CENTURY	139
<i>L.A. Pimenova</i>	
HOW THE KING BECOMES A TRAITOR	167

PROBLEMS OF HISTORICAL KNOWLEDGE

<i>V.A. Kuznetsov</i>	
LIFE BEFORE BIRTH: HISTORY IN THE MEDIEVAL ARABO- MUSLIM SYSTEM OF KNOWLEDGE	184

HISTORIAN AND TIME

<i>A.V. Sharova</i>	
ALEXANDER SAVIN: THE UNKNOWN LIFE OF THE FAMOUS HISTORIAN	212

G. Algazi

OTTO BRUNNER: 'CONCRETE ORDER' AND THE DISCOURSE OF THE TIMES	244
--	-----

HISTORY AND MEMORY

Yu.F. Igina

MEMORIA OF FALSE-DIMITRIY I AS A MODE OF POWER LEGITIMATION	280
--	-----

HISTORY OF EVERYDAY PRACTICES

K.A. Levinson

"THE HOSTILE SCHOOLS ARE COMBAT ORGANIZATIONS BY NATURE": TOWARDS THE HISTORY OF SHORTHAND IN GERMANY	322
---	-----

PROBLEMS OF SOCIAL HISTORY

A.V. Busygin

BETWEEN CANON LAW AND CHURCH FOLKLORE BAPTISM OF CHILDREN AND MONSTERS IN MEDIEVAL SCANDINAVIA	362
---	-----

M.Yu. Zenchenko

MOSCOW DYNASTICAL CRISIS IN SPRING 1682: AN EVENT AND ITS VERSIONS	384
---	-----

RUSSIS: QUO VADIS?

B.V. Dubin

MANIFESTATIONS OF SOCIAL UNREST OF MUSCOVITES IN 2011/2012: TURNING POINT OR CHAIN OF CHANGES?	428
---	-----

HISTORY AND MYTHOLOGY

G.V. Bondarenko

CÚ ROÍ AND SVYATOGOR: A STUDY IN CHTHONIC	448
---	-----

BOOK REVIEWS

M.N. Sokolov

THE SPACE OF CULT AND THE SPACE OF ART STUDIES:
CONSONANCES AND DISSONANCES

<i>M.A. Lidov</i> . Hierotopy: Spatial Icons and Images-Paradigms in Byzantine Culture. Moscow, 2009	464
---	-----

T.M. Vasilieva

GESAMTKUNSTWRACK, OR ABOUT A NEW BOOK OF
A.M. LIDOV 474

A.B. Gerstein

KEEPING THE LAW: BETWEEN ROMAN TRADITION AND
CHRISTIAN CHURCH 481

ANNIVERSARIES

The 80th anniversary of Leonid Mikhailovich BATKIN 489

IN MEMORIAM

GEORGII STEPANOVICH KNABE (1920–2011) 491

S.U. BOLENSKAYA (12.04.1925–26.10.2012) 494

CHRONICLE

N.F. Sokolskaya

MIGRATIONS IN THE MIDDLE AGES. CROSS-CULTURAL
APPROACHES TO THE PROBLEM: (Chronicle of conference) 497

SUMMARIES 502

ИСТОРИЯ ПОВСЕДНЕВНЫХ ПРАКТИК

Посвящается светлой памяти
С.В. Оболенской

К.А. Левинсон

“ВРАЖДУЮЩИЕ ШКОЛЫ ПО ПРИРОДЕ СВОЕЙ – БОЕВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ”: ИЗ ИСТОРИИ СТЕНОГРАФИИ В ГЕРМАНИИ

УДК 94 (687.2) 02

В статье рассматривается история стенографии в немецкоязычном ареале, причем не с точки зрения развития самой техники быстрой записи, а с точки зрения того, какое место в социальной и культурной жизни немецкого общества XIX–XX вв. занимала “*стенографическая жизнь*”, т.е. комплекс практик, включающий и собственно стенографирование, и связанные с ним прямо или косвенно занятия, такие как изучение, преподавание, совершенствование и пропаганда различных стенографических систем, участие в работе и досуговой активности стенографических обществ, борьба за преобладание на рынке и издание специальной прессы. Автор делает вывод, что стенография играла роль, далеко выходящую за рамки чисто прагматической полезности: она была работой, мировоззрением, полем битв. Стенография с ее культом рационального использования ресурсов, с ее борьбой систем и с ее организациями представляла собой очень показательный элемент целого комплекса социально-культурных феноменов, характерных для немецкой культуры XIX–XX вв.

Ключевые слова: история стенографии, “стенографическая жизнь”, стенографические общества, социо-культурные практики, немецкое общество XIX–XX вв.

Key words: history of shorthand, “shorthand activities”, shorthand associations, cultural and social practices, German society on the nineteenth and twelfth centuries.

В наши дни исчезает из публичного обихода стенография – техника скоростной записи, возникшая еще в Античности¹ и пережившая период своего наиболее массового распространения и наиболее интенсивного качественного развития в XIX – первой

половине XX столетия. Еще в середине минувшего века владения ею требовали от секретарей и делопроизводителей, а в ряде стран оно было даже непременным условием для приема на государственную службу вообще. Уроки стенографии входили в учебные планы, например, германских² школ и гимназий. Сейчас уже никто не обязан уметь стенографировать, а список учебных заведений, в которых этому учат, становится все короче. Шеф стенографической службы одного из земельных парламентов ФРГ, имеющий в своем подчинении 12 сотрудников, сетовал в 2005 г., что, несмотря на хорошую оплату, квалифицированных специалистов уже было все труднее найти³. Если не считать парламентов (и то не во всех странах), стенографистов все реже сегодня привлекают для протоколирования, несмотря на то, что количество заседаний, требующих протокола, не становится меньше. Число студентов, которым нужно конспектировать лекции, или работников, которым надо делать записи на совещаниях, не убывает, а скорее возрастает, однако стенографируют они сегодня гораздо реже, чем 100–150 лет назад. В огромной мере это связано, конечно, с появлением новых технических средств: диктофонов и компьютерных программ, переводящих устную речь в письменный текст. Однако ими пользуются не во всех ситуациях, где раньше широко применялась стенографическая запись. Возможно, падение популярности стенографии отчасти объясняется действием тех же механизмов, которые управляют колебаниями моды вообще и моды в письменности в частности⁴. Так или иначе, мы имеем дело с почти завершившейся историей целой культурной Атлантиды. Ведь уходит в прошлое не только техника записи. Вместе с ней уходит целый мир специфических культурных практик, существовавший – по крайней мере, в немецкоязычной части Европы – на протяжении полутора столетий. Там вокруг стенографии кипела бурная социальная и интеллектуальная жизнь: она была для множества людей не просто одним из навыков, но и профессией, для некоторых даже главным делом всей жизни; с нею были связаны судебные процессы и парламентские слушания (в свою очередь, протоколировавшиеся с ее помощью); существовали специальная пресса, курсы, съезды, соревнования стенографистов; повсеместно можно было встретить стенографические ассоциации. В данной статье я хотел бы в первом приближении определить место и своеобразие того, что я назвал бы “*стенографической жизнью*” (т.е. и собственно стенографирования, и связанных с ним занятий: изучения, преподавания и пропаганды стенографии, участия

в деятельности стенографических обществ) в социально-культурной жизни немецкого общества на протяжении XIX и примерно двух третей XX в.

Историографически тематика эта мало проработана. В русскоязычной литературе она до сих пор практически не освещалась⁵. По пальцам одной руки можно пересчитать германские и австрийские монографии, посвященные истории немецкой стенографии вообще и интересующих нас аспектов в частности⁶. Некоторое количество статей об истории отдельных систем или локальных организаций удалось найти в стенографической прессе, а в германском и австрийском биографических словарях⁷ – данные о создателях систем и видных деятелях стенографического движения. Приходится, однако, делать поправку на то, что эти тексты в подавляющем большинстве своем написаны “изнутри”, т.е. самими стенографистами, с мемориальными целями, поэтому они несут на себе признаки героической корпоративной истории и даже агиографии⁸. В отсутствие современной теоретико-методологической разработки темы данная статья представляет собой первые подступы к ее историческому изучению “извне”. Для того, чтобы ввести читателя в курс дела, в первой части статьи будет в общих чертах сказано об истории различных стенографических систем. Эта информация будет ограничиваться необходимым минимумом: обзор истории немецкой стенографии в принципе должен быть предметом отдельной публикации. Во второй части я сосредоточусь собственно на проблематике “стенографической жизни” и связанных с нею практик и институтов.

В качестве источников я буду использовать сохранившиеся в архивах и библиотеках ФРГ образчики стенографических журналов, уставы организаций и списки их членов, официальную корреспонденцию – все эти материалы (за небольшими исключениями) ранее не публиковались. Из трудов по истории стенографии также будет заимствован некоторый фактический материал.

I

Первая стенографическая система в немецкоязычном ареале – она была адаптацией английской – появилась в самом конце XVIII в.⁹ Однако действительно массовое распространение стенография получила в первой половине XIX в., после того как появилась собственно немецкая система, разработанная баварцем Францем Ксавером Габельсбергером. Она использовалась лично автором уже в 1820-х годах на службе в Баварском ландтаге, а опубликована

была в 1834 г. (усовершенствованный вариант – в 1849 г.). Немного позже – в 1841 г. – опубликовал плоды своих многолетних усилий изобретатель другой немецкой стенографической системы – Генрих Август Вильгельм Штольце. Впоследствии появились десятки других систем, как построенных на базе одной из этих двух, так и сочетавших их принципы, а в некоторых случаях и независимых от них обеих. Но все остальные системы имели в целом меньшее распространение, хотя в локальных масштабах некоторые из них и достигали превосходства в численности сторонников.

В общественно-политических условиях Германии XIX в., когда идеалы объединения и унификации царили во многих умах, многие выступали за то, чтобы власти ввели в единой стране единую стенографическую систему. При этом, естественно, приверженцы каждой из школ считали именно свой вариант наиболее подходящим для всеобщего и повсеместного употребления. Уверенные в своем превосходстве, школы иногда прямо или через прессу зывали к правительствам с просьбой организовать некое решающее соревнование, на котором была бы выявлена лучшая система, достойная быть законодательно введенной в качестве единственной и обязательной в учебных заведениях, администрации и армии. Так, школа Роллера заявляла в 1903 г.: "Полезно было бы, если бы мы могли потребовать от государства того, чего мы имеем права требовать от него как граждане, если только оно не хочет выглядеть совсем уж несправедливым по отношению к нам. Пускай оно устроит сравнительное испытание разных систем, и если оно непредвзято подведет итог, то пусть наша система и окажется хуже по сравнению с другими – мы смиримся. В ином же случае пускай оно не дает преимуществ другим системам перед нами, вводя их в учебных заведениях и нанимая стенографистов исключительно из других школ. То, что оно так поступает, не подвергнув нашу систему испытанию, мы воспринимаем как ущемление, чтобы не сказать несправедливость"¹⁰. Этот конкурс так и не был никогда проведен, поскольку министрам было ясно, что он стал бы состязанием людей, а не систем. Некоторые правительства – например, австрийское и швейцарское – сделали выбор, основываясь на степени распространенности той или иной системы в пределах своих стран. Другие же – например, прусское и имперское – предпочитали сохранять плюралистическую конкурентную ситуацию на рынке стенографических услуг. Берлин намеренно и подчеркнуто не выказывал предпочтения ни одной из школ. Это проявлялось не только в принципах найма стено-

графистов на государственные должности (в рейхстаге, например, работали одновременно представители нескольких разных систем), но и в символических актах: например, Министерство по делам религии, образования и медицины не рекомендовало кайзеру разрешать прусскому принцу Фридриху Леопольду принять приглашение стать почетным председателем конгресса одной из систем, поскольку другими системами это могло бы быть истолковано как знак предпочтения¹¹. Конкуренция была не чисто “рыночной”: школы боролись не только за клиентов и учеников, но еще и за симпатии властей, видя в них главного арбитра, призванного рано или поздно присудить победу одной из них и принять ее либо – в идеале – как таковую, либо, в крайнем случае, как основу для создания синтетической единой стенографии.

Приемы этой конкурентной борьбы были примерно одинаковы у всех школ, так как они быстро заимствовали их друг у друга, пусть и осуждая порой на словах особенно “некрасивые” методы. Например, газета “Die Deutsche Stenographenzeitung” сообщала об «очень неприглядной рекламе стенотахиграфистов. Она заключается в том, что в поездах Северной Германии в некоторых купе наклеиваются небольшие бумажки с рекомендацией “упрощенной немецкой стенотахиграфии (убористого скоростного письма)”»¹². Назойливые и вездесущие коммерческие рекламные объявления в то время еще были в Германии для многих непривычны. Однако законы рынка брали свое, и всякого рода рекламные плакаты, листовки, брошюры и т.п. материалы использовали все школы.

Стремясь заполучить в союзники правителей и правительства, некоторые ассоциации пробовали обращаться к ним напрямую с просьбой о поддержке. Председатель Союза стенографистов системы Арендса г-н Занд, например, послал прусскому министру юстиции запрос о введении арендсовой стенографии в подведомственных ему органах. На это он получил, как обычно, ответ, что министр не может встать на сторону какой-то одной системы. Сообщение об этом со злорадством перепечатал журнал системы Меркеса, назвавший поступок Занда проявлением “рвения новичка”: сами меркезианцы уже знали, что такими мерами добиться преимуществ невозможно¹³.

Другие школы боролись за благосклонность коронованных особ: они преподносили им экземпляры своей печатной продукции, а в 1885 г. конгрессы школ Штольце–Шрая и Габельсберге-ра начали посылать прусскому королю и кайзеру приветственные телеграммы с выражением верноподданнических чувств, напоминая ему как о себе, так и о его функции “патрона наук и искусств”.

Через десять лет их примеру последовали конкуренты – ассоциации приверженцев Роллера, Арендса, Шрая, “Национальной” стенографии Куновских и др. Все три монарха, правившие Пруссией и империей в 1885–1918 гг., неизменно передавали отправителям благодарность за телеграммы, но сохраняли нейтралитет.

Видя, что правительства отдают пальму первенства тем школам, которые демонстрируют наибольшее число последователей, все организации стремились опубликовать и довести до сведения властей (присылая свои издания в соответствующие правительственные инстанции) как можно более впечатляющие статистические данные о том, сколько человек обучаются у них стенографии, каково количество ассоциаций, какова численность их членов, каков прирост по сравнению с прошлым годом и т.п. Конкуренты же оспаривали корректность этих подсчетов, вскрывали случаи жульничества – например, учета “нестенографирующих членов” или ассоциаций, состоящих из одного человека и не имеющих места для собраний. Подобными взаимными обвинениями заполнены многие страницы немецкой стенографической периодики на протяжении десятилетий¹⁴.

О том, какого накала достигали страсти в этой борьбе и в какой мере она определяла все существование стенографических школ, можно судить по лексике, используемой в периодических изданиях. Вот, например, как комментировал провал очередной попытки объединения систем анонимный автор статьи в журнале “*Merkesia*” – органе стенографической системы Меркеса – в начале XX в.:

«Примирительный тон, который недолгое время царил в габельсбергериянских и штольце-шраевских изданиях, кстати, уже давно опять уступил место прежнему бескомпромиссному, непримиримому, зачастую гнусному. Но мы вовсе не считаем правильным на этом основании говорить о том, что шансы на объединение уменьшились. Было с самого начала ясно, что враждующие школы – а они ведь по природе своей суть боевые организации – не смогут долго выносить непрерывного пения мирных свирелей. Осуществить объединение наскоком было невозможно, различные школы по своим организационным возможностям были в настоящее время и не в состоянии вести мирные переговоры. Поэтому старая борьба – жизненная стихия стенографических школ – просто не могла не начаться опять. И нельзя не согласиться с [газетой “*Der deutsche Stenograph*”], что обрыв мирных переговоров был воспринят в школе Штольце–Шрая “как избавление от кошмара”. Даже “голубь мира” магдебургский учитель Штарк снова зовет на бой»¹⁵.

Помимо рекламы и агитационно-пропагандистских мероприятий, на успех той или иной системы в каждой земле влияли, разумеется, и пространственная близость к тому центру, где жил и творил ее изобретатель, и культурные различия между регионами. С одной стороны, в XIX в. сравнительно быстро шла интеграция, важнейшей вехой в которой стало образование Германской империи в 1871 г. и сопутствовавшее ему принятие унифицирующих законов во многих сферах; все больше германских государств либо втягивались в политическую и культурную орбиту Пруссии, либо полностью аннексировались ею. С другой стороны, многие немецкие государства относились к прусской гегемонии амбивалентно. Играли свою роль и конфессиональные различия между католическим югом и лютеранским севером, и традиционный партикуляризм, еще не сдавший позиции единому “германскому” национальному сознанию. Подобно тому, как каждое государство во второй половине XIX в. ввело у себя собственную орфографию, в большей или меньшей мере отличную от прочих, стенография оказалась тоже до известной степени втянута в эти процессы и конфликты; каждая из систем рассматривалась (причем не только ее сторонниками) как воплощение тех или иных ценностей, отчасти ассоциировавшихся с Севером (в особенности с Пруссией), либо с Югом (в особенности с монархиями, стремившимися сохранить некоторую независимость от Пруссии).

Ф.К. Габельсбергер, католик, жил и творил в Мюнхене. Его система получила наибольшее распространение, а со временем и абсолютное преобладание в странах южной части немецкоязычного ареала, прежде всего в Баварии, Саксонии и Австрии. Г.А.В. Штольце, лютеранин, жил и работал в Берлине. Стенография, созданная им, стала преобладающей в Пруссии и тех странах, которые были завоеваны Пруссией, а также в Швейцарии.

О том, какие разные ценности отражали конкурирующие стенографические системы, говорит такой пример. Если система Габельсбергера именовалась “искусством” (либо безоценочно – “искусством речевых знаков” – *Redezeichenkunst*, либо хвалебно – “высоким искусством”), то система Штольце и его последователей называлась “научной”¹⁶. Связано это было с тем, что в основе лежала “у Габельсбергера – гениальная интуиция, у Штольце – железная последовательность”¹⁷. В системе Габельсбергера некоторые буквы не обозначались, схожие звуки обозначались одинаково, а легко восстанавливаемые по контексту части слов

и предложений пропускались, так что расшифровка написанного требовала известного воображения (“интуиции”), а зачастую и допускала разные варианты прочтения. Габельсбергер свою систему создавал и совершенствовал, не избегая неопределенностей и противоречий, нередко используя “оппортунистические”, не согласованные друг с другом решения для частных случаев. Многое оставлялось на волю пишущего. Это делало его стенографию гибкой и – при известном уровне квалификации – сравнительно удобной в применении, но сложной в изучении, а также очень затруднило предпринятую его последователями работу по унификации правил системы. Что же касается целевой группы, то идеал Габельсбергера был скорее элитарным: он мечтал сделать стенографию достоянием “всех образованных людей”, что означало в то время только представителей средних и высших слоев буржуазии и дворянства.

Трудность и непоследовательность габельсбергеровой стенографии, как указывали ее критики, вели к тому, что лишь немногие ученики даже после длительных занятий были способны действительно быстро и правильно вести записи с ее помощью. Шел поиск альтернативных решений, которые легче давались бы учащимся. Путь к такому облегчению берлинец Вильгельм Штольце усматривал в большей строгости и последовательности правил, а достичь этого он рассчитывал путем постановки дела на научную основу. В соответствии с принципами научности Штольце, много лет изучавший стенографические системы прошлого, проработавший огромную литературу по историческому языкознанию и комбиниовавший теории Беккера, Гримма и Гумбольдта, принес в стенографию “дух точности, регулярности и полноты”¹⁸. Он создал систему, в которой выписывались почти все буквы и были “полностью соблюдены филологическая правильность и постоянная устойчивость орфографических обозначений (принципы, которые Пруссия взяла на вооружение, отличая себя тем самым от южногерманских государств)”¹⁹. Тем самым Штольце «остановил распространение более летучего²⁰ Габельсбергерова “искусства речевых знаков” по всей Германии». Его идеалом было превратить стенографию во всеобщее письмо, которое полностью сменило бы традиционный алфавит, превзойдя его в простоте, экономичности и универсальности. Соответственно, целевой группой системы Штольце были “все”. И в самом деле, с течением времени на курсах ей стали обучаться и рабочие, и ремесленники. С одной стороны, штольцеанцы ставили это себе в заслугу, с дру-

гой стороны, они признавали, что “усиленный приток из низших слоев общества” отпугивал представителей более “чистой публики” от участия в занятиях²¹.

По соображениям места здесь невозможно рассказывать о культурных особенностях прочих, менее крупных стенографических систем. Вне зависимости от того, насколько велики были сходства или различия между ними, конкуренция и даже идейная вражда разделяла всех: “дружественных” стенографических школ не было, и на фоне постоянных разговоров о необходимости единения терпели крах почти все попытки достичь компромисса. Если слияния в виде исключения все же осуществлялись (например, были объединены системы Штольце и Шрая, а позже на базе систем Штольце–Шрая и Габельсбергера была создана Единая немецкая стенография), то противников у этого процесса было не меньше, чем сторонников. Я позволю себе привести длинную цитату из речи одного депутата рейхстага (законодательный орган Германии посвятил целое заседание “стенографическому вопросу”!), в которой очень образно описывается “душевное состояние” тех, кто был связан с той или иной стенографической системой. Выступая 16 мая 1925 г., депутат д-р Т. Хойс начал свою речь с параболы:

«В одном городе к северу от Пекина встретились два немца. От одиночества они сдружились. По прошествии некоторого времени выяснилось, что один из них прусак, а другой – баварец, и их дружба оказалась несколько омрачена. Но через несколько месяцев они снова были вместе и неплохо ладили друг с другом до тех пор, пока не обнаружили, что один из них – протестант, а другой – католик. Опять размолвка! И все же одиночество заставило их снова сойтись. И тут оказалось, что один был габельсбергерианцем, а другой – штольце-шрайанцем. После этого они расстались навсегда. (Оживление в зале). Эта история, – продолжил оратор, – вероятно, не имела места в Китае, но она очень часто происходила в Германии. (Возгласы “Очень верно!” со стороны немецких демократов и социал-демократов). Разумеется, это веселое преувеличение; но оно поясняет, может быть, предпосылки того, что мы, собственно, сегодня обсуждаем: необычайно трудную попытку практически решить практический вопрос, который в Германии затвердел в виде вопроса мировоззренческого, ибо немцы из технических проблем сразу делают мировоззрение. Я могу говорить об этом совершенно свободно потому, что я много лет тому назад тоже этим переболел и мои собственные воспоминания полны системным пылом и системным воодушевлением. Я еще очень отчетливо помню это чувство, когда мы, молодые парни, почитав школьное издание [журнала системы] Штольце–Шрая “Warte”, взирали на соседа из системы Габельсбергера со смесью недоверия и сочувствия

по поводу того, чего он не может, или того, что вообще в этой системе подозрительно. Когда я думаю об этом душевном состоянии традиционной немецкой солидарности стенографистов, – а чувства их были вполне взаимны, – то я знаю: психологически абсолютно исключено, чтобы немецкие стенографические школы могли по собственному почину, без какого-либо государственного принуждения, когда-либо прийти к объединению.

Причина очень проста. Когда стенография создавалась, она была искусством, художественным упражнением, ей было присуще что-то от тайной науки, для служения которой подбирают и воспитывают учеников. Тот, кто владел ею, чувствовал себя впереди всех остальных. У него было какое-то преимущество перед остальными. Умение стенографировать было преимуществом, даже когда религиозная община превратилась в массу рутинно работающих ассоциаций»²².

Завершая разговор о конкуренции стенографических систем, скажу лишь, что она продолжалась более века. В течение десятилетий многочисленные попытки выработать компромиссный вариант разбивались о жесткое сопротивление всех школ, каждая из которых утверждала, что в этой гибридной системе ее достоинства соединены с недостатками других систем и тем самым загублены. В конце концов германское правительство взяло дело в свои руки и, не считаясь с результатами рабочих встреч и переговоров с представителями школ, в середине 1920-х годов ввело синтетическую Единую немецкую стенографию в школах и государственных учреждениях. Поначалу она была непопулярна, но постепенно благодаря государственной поддержке получила монопольный статус. А остальные системы, независимо от их достоинств и недостатков, стали терять приверженцев в силу “эффекта координации”: людей и учреждений, использовавших только новую стенографию, становилось все больше, и тем, кто ею не владел, становилось все труднее найти заработок. Процесс монополизации завершили нацисты, которые переименовали “единую” стенографию в просто “немецкую”, запретили преподавать и использовать в государственных учреждениях все остальные системы, а все стенографические ассоциации слили в одну. После 1945 г. эти меры были отменены, однако популярность старых систем в Германии уже не восстановилась до такого уровня, чтобы составлять серьезную конкуренцию Единой стенографии. Гром многолетних баталий, впрочем, слышался еще очень долго: в 1954 г., по случаю 30-летия единой системы, газета “Die Stenographenpost”, публикуя указ министра внутренних дел, согласно которому владение именно этой стенографией ставилось

условием приема на службу в федеральные учреждения, одновременно писала о юбилейных общенациональных соревнованиях юных стенографистов, что те прошли с большим успехом и “тем самым 30 лет спустя после создания Единой стенографии было доказано то, что наши противники не хотят признавать: Единая стенография – хорошая система и германская молодежь привержена ей”²³. Пять лет спустя эта же газета писала, что “если сегодня еще есть некоторые, желающие вернуть то положение вещей, которое царило более 35 лет назад, то это нас не смутит. Число вечно вчерашних настолько мало, что они практически вовсе незаметны”²⁴. Короче говоря, борьба систем продолжалась до тех пор, пока не ушло из активной жизни последнее поколение, учившееся до середины 1930-х годов. На сегодняшний день в Германии есть альтернативные стенографические системы, в том числе и такие, которые появились уже во второй половине XX в., но они ведут скорее маргинальное существование и о борьбе, подобной той, что бушевала лет сто назад, сегодня никто уже и не вспоминает.

Вернемся теперь в XIX в., чтобы сказать о том, как стенографическая деятельность – поверх всех различий и борьбы между системами – изменила ситуацию на рынке труда в Германии. Бурное развитие стенографии и как техники, и как профессии началось в немецких землях в первой половине столетия, когда все чаще стали протоколироваться заседания законодательных органов, судебные процессы, собрания общественных организаций, конгрессы и т.п. – а их, по политическим причинам, в те годы становилось все больше: формировались гражданское общество с его институтами и парламентский государственный строй. Именно тогда возникли те “экологические ниши”, в которых профессиональные стенографисты находили пропитание и признание вплоть до наших дней: постоянные парламентские стенографические бюро, заказы по протоколированию отдельных мероприятий, а также преподавание стенографии – самовоспроизводство профессии. Позже, по мере увеличения числа капиталистических предприятий и связей между ними во второй половине и ближе к концу XIX в., добавилась наиболее крупная, массовая ниша: стенографирование в делопроизводстве и письмоводительской практике коммерческого сектора.

Работа в парламентах была для немецких стенографистов притягательной целью, прежде всего в силу своей престижности.

Оплата была не очень высокой, нагрузка – огромной, но быть стенографистом ландтага или тем более рейхстага значило для человека получить наивысшее признание как своих собственных профессиональных способностей, так и достоинств той системы, которой он пользовался. Парламентских стенографистов было всего несколько сотен по всем германским землям, и принадлежать к их числу было заветной мечтой новичков. Красноречивым подтверждением этому служит реклама одного берлинского кафе, помещенная в стенографической периодике на рубеже XIX–XX вв.: владелец приглашал стенографистов собираться у него, так как место очень удобно расположено, от него всего 25 минут на трамвае до здания рейхстага! Понятно, что реклама была рассчитана не только на тех нескольких человек, которые действительно в этом здании работали, но на гораздо более широкий круг тех, кто мечтал туда попасть.

Если в парламентские бюро попадали только лучшие из лучших, то на разовые заказы – например, вести стенограмму какого-нибудь съезда или судебного процесса – могли рассчитывать уже сотни менее квалифицированных стенографистов, а быстро писать под диктовку мог научиться едва ли не каждый. Причем, что важно, для стенографиста почти не имело значения, о чем именно шла речь в том тексте, который он должен был зафиксировать: написание специальных терминов и имен собственных быстро осваивалось в дополнение к базовым навыкам. Таким образом, умение стенографировать было сродни древнему ремеслу писца или наборщика или современному умению набирать текст на компьютере: оно позволяло человеку найти себе применение в любой сфере, имея минимальные познания в ее терминологии и почти не вдаваясь в рефлексию относительно содержания записываемого. Этот инфраструктурный и потенциально универсальный характер стенографических услуг давал людям, овладевшим быстрым письмом, способность гибко реагировать на меняющийся спрос на рынке труда и даже создавать для себя новые области приложения сил. Так, когда в 1858 г. была основана Венская Торговая Академия, профессором стенографии в ней стал некий Леопольд Конн. Это был человек без высшего образования, но опытный практик. Своей неутомимой деятельностью он фактически в одиночку ввел обычай стенографирования в большинство австрийских государственных учреждений, редакций газет и венских адвокатских контор, а также стал преподавать стенографию в нескольких средних учебных заведениях города. Возникшие

благодаря этому рабочие места он со временем “оставил в наследство” другим коллегам, обеспечив тем самым новую возможность заработка для целого ряда стенографистов, длительное время остававшихся без постоянной работы после того, как в 1849 г. прекратил свою деятельность рейхстаг в Кремзире²⁵.

Таким образом, если приближение к центрам государственной власти было пределом идеалистических мечтаний для стенографиста, то на будничном уровне привлекательность стенографии связывалась с материальными соображениями: она позволяла зарабатывать и экономить. “Мы живем в такое время, когда каждому нужны деньги, много денег”, – напоминала читателям одна из стенографических газет в 1918 г.²⁶ За двадцать лет до того автор пропагандистской брошюры говорил о “нынешних временах, когда борьба за существование во всех областях бушует все более яростно и тот, кто экономически слабее, легко проигрывает в ней”²⁷. Искусство скорого письма, подчеркивали пропагандисты, позволяло экономить время – как на обучение, так и на каждую запись; оно позволяло экономить бумагу, так как стенографические знаки занимают меньше места, чем буквы; оно позволяло экономить усилия, как физические – потому что многие стенографические системы не предусматривали изменяемого нажима при письме, – так и интеллектуальные: стенографист в идеале пишет не задумываясь, ему не приходится ломать голову над орфографическими трудностями немецкого языка. Именно “экономические” преимущества стенографии перед обычным письмом или одной стенографической системы перед другой выдвигались на первый план в пропагандистских материалах: авторы доказывали, что, например, запись в их системе получается на столько-то процентов короче, чем в другой²⁸, или что на ее изучение требуется на столько-то часов меньше, чем у конкурентов.

При этом не всякая связанная со стенографией работа была доходной сама по себе. Значительная часть ее совершалась бескорыстно: в ней “была заключена огромная масса практического идеализма; большая часть такой энтузиастической работы шла на общественных началах. Это была миссионерская деятельность во имя системы”²⁹. Например, преподавание стенографии на курсах при ферайнах и в учебных заведениях Пруссии (в отличие от Австрии) само по себе денег не приносило, так как занятия были бесплатными, с учеников брали только “организационный сбор” и деньги за учебные пособия и материалы.

За деньги можно было выполнять собственно стенографирование, давать частные уроки или продавать специальные принадлежности – карандаши, блокноты, учебники. Это большой прибыли не давало, но все же позволяло многим людям, в том числе женщинам (особенно одиноким), спастись от нищеты при отсутствии других заработков или даже подниматься по имущественной и социальной лестнице, если они поступали на службу секретаршами. Одной из важнейших особенностей стенографии как профессии стало то, что она дала работу огромному количеству женщин, вышедших на рынок труда: “Общественные условия нашего времени зачастую вынуждают девушек самих вставать на ноги и самостоятельно обеспечивать свое существование. Важным средством к получению самостоятельной работы выступает для женского пола стенография, позволяющая им обеспечивать себе хороший доход таким способом, который соответствует женской натуре”, – писала одна из газет в 1903 г.³⁰ На рубеже XIX–XX вв. у писарей-мужчин появились многочисленные соперницы, секретарши-“стенотипистки”, которые, вооружившись блокнотом и карандашом, быстро записывали под диктовку шефа деловые письма, а потом перепечатывали их на пишущей машинке. Более того, если для одних из них этот утилитарный навык был лишь средством заработка, то для других – еще и способом закрепиться в деловой среде и получить шанс на более высокую должность и/или на приобретение мужа или любовника с хорошим положением. В германской прессе, в том числе профессиональной, из этого аспекта карьеры стенотипистки не делалось секрета ни в XIX, ни в XX в.: “Девушки, умеющие записывать 200 слогов в минуту, имеют все шансы и им открыта дорога замуж”, – читаем мы в вестнике Эрингенского стенографического общества еще в 1954 г.³¹

Некоторый доход, возможно, приносила стенография как особая ниша в области торговли печатной продукцией: издательства стенографической литературы (а таких в Германии было к рубежу XIX–XX вв. несколько) выпускали учебники и специальную периодику, набранную обычным шрифтом, а кроме того в конце XIX в. появилась техническая возможность качественно набирать типографским способом стенографический шрифт. К тому времени сформировалась достаточно обширная читательская аудитория, готовая за небольшую розничную или подписную плату приобретать напечатанную им периодику³², сборники прозы и поэзии, Новый Завет в переводе Лютера³³ и другие книги, пред-

назначенные для непосредственного чтения, а не для расшифровки. Конечно, набранная стенографическим шрифтом литература была по суммарным тиражам очень невелика в сравнении с обычной, хотя подобному чтению теоретически могли бы предаваться несколько миллионов (!) жителей немецкоязычной части Европы, обучавшиеся на тот момент разным системам стенографии³⁴. В денежном выражении объем этого рынка печатной продукции вычислить сложно, поскольку тиражи в изданиях обычно не указывались. Можно лишь предполагать, что их выпуск был прибыльным для маленьких стенографических издательств: иначе едва ли мог бы, например, выпускаться в течение как минимум восьми лет ежемесячный иллюстрированный журнал, не связанный с тематикой работы стенографов, – “Schulzes Illustrierte Unterhaltungsblätter für Stenographen. System Stolze-Schrey”³⁵.

Одним из главных, обязательных и при этом в большинстве случаев неоплачиваемых, а порой и затратных занятий стенографистов с самого начала развития оригинальных систем стенографии в Германии было привлечение новых учеников и сторонников³⁶. Пропагандистская работа была одной из уставных целей стенографических ассоциаций. Массовая агитационно-просветительская деятельность велась посредством публичных лекций, выездных докладов, бесплатных уроков, листовок, брошюр и даже рекламных объявлений. В зависимости от того, насколько адепты стенографии преуспевали в деле убеждения местных властей, их допускали на тех или иных условиях к преподаванию стенографии в частных, коммунальных и государственных учебных заведениях, вплоть до университетов. Это открывало доступ к широкой (и самой удобной для обучения) аудитории. Поэтому изобретатели и поборники каждой из систем стремились убедить власти в прямой и косвенной полезности стенографии для учащейся молодежи: “Она включает в себя важные элементы образования, которые в других учебных предметах либо вовсе не наличествуют, либо не в такой степени; ... она станет средством... преподать элементы образования, которые ... без стенографии не могли бы быть усвоены”³⁷. Успехи этой борьбы за школу были различны: в Баварии и в Австрии власти уже в первой половине XIX в. предписали введение уроков стенографии в гимназиях в качестве курсов по выбору или факультативов, тогда как в Пруссии долгое время лишь дозволялось преподавателям стенографии безвозмездно проводить уроки в гимназических помещениях после уроков, а в программу этот предмет не включали. Обусловле-

но это было, с одной стороны, нежеланием прусского правительства отдавать предпочтение какой-то одной системе, а с другой стороны – опасениями, что одновременное изучение обычной орфографии (которое помимо начальной школы продолжалось еще и в первых классах гимназии) и стенографии с ее иными принципами записи устной речи будет детей только запутывать и сбивать с толку. Кроме того, в стенографии многие учителя и чиновники просто не усматривали тех полезных для образования элементов, на наличии которых делали акцент ее сторонники³⁸. Ситуация, впрочем, постепенно менялась, и в начале XX в. в Пруссии тоже стали допускать, а потом и предписывать введение стенографии в учебные планы гимназий на факультативной основе. Уроки по этому предмету вели, как правило, не учителя, а специалисты, приходившие от стенографических ассоциаций, – по крайней мере, до тех пор, пока не подросло новое поколение учителей, которые уже сами умели стенографировать хотя бы на элементарном уровне.

Таким образом, произошло, хотя не повсеместно, вхождение стенографии в среднюю и высшую школу (помимо гимназий и реальных школ преподавалась она главным образом в военных и коммерческих училищах). В большинстве стран ей отводили место в ряду прикладных дисциплин, связанных с делопроизводством, – каллиграфии, машинописи, бухгалтерского учета и т.д. Но бывали и другие варианты. Так, в Мюнхене, Берлине, Лейпциге, Бреслау, Кёнигсберге, Киле и некоторых других немецких городах ей удалось на некоторое время получить статус академической дисциплины университетского цикла³⁹. Впрочем, судя по всему, существование кафедр стенографии или даже доцентских ставок по этому предмету в университетах в решающей мере зависело от наличия выдающихся знатоков и энтузиастов, которые могли его преподавать как научную, теоретическую дисциплину. С уходом каждого такого профессора преемника после него как правило не оставалось⁴⁰, и институциональное закрепление стенографии в университете не происходило. Эпоха преподавания стенографии в средней и высшей школе продолжалась до последней четверти XX в. На сегодняшний день в германских и австрийских средних учебных заведениях стенография преподается уже только эпизодически, в виде факультативов, в вузах не преподается вовсе. Ей обучают либо частные преподаватели, либо в ассоциациях, которые еще во многих городах сохранились. Членами их являются, судя по материалам специальной стенографи-

ческой периодики (которая вымирает как жанр), в основном люди старшего поколения. Об этих исчезающих ныне организациях, в которых происходила значительная часть повседневной стенографической жизни, пойдет речь во второй части статьи.

II

Одной из наиболее распространенных организационных форм общественной жизни в Германии и в Австро-Венгрии стала в XIX в. ассоциация, называемая по-немецки Verein. Адекватно перевести этот термин одним кратким словом на русский очень трудно – в современном русском языке слова “союз”, “ассоциация”, “общество”, “клуб”, “объединение”, “кружок” нагружены многими значениями, в том числе такими, которых у слова Verein нет. Поэтому в русскоязычной литературе еще в XIX в. появилось слово “ферейн”⁴¹. Ныне более употребителен вариант в современном произношении – “ферайн”⁴², которое и будет здесь использоваться.

Итак, ферайн – это зарегистрированная в органах власти добровольная общественная организация, имеющая устав, более или менее четко определенную сферу и цель деятельности, формальное членство (численность членов может составлять от трех человек до нескольких тысяч), президента, правление, кассу, фиксированное место и время собраний и прочих мероприятий. Ферайны существуют как отдельно, так и в составе более крупных горизонтальных либо иерархических структур: например, они могут объединяться в “союзы” (Verband, Verbund, Bund) регионального, общегосударственного, международного уровня. Важной особенностью германских ферайнов XIX – начала XX в. было то, что они все имели приблизительно одинаковую организационную структуру и схему работы, хотя могли быть посвящены самым разным видам деятельности – исключая (в периоды реакции) политическую.

Поскольку все ферайны должны были регистрироваться в местных органах власти, архивы сохранили некоторое количество документов, отражающих формальную сторону их существования: уставы, списки членов, объявления об общих собраниях, переименованиях и прочих событиях, включая ликвидацию ферайна по той или иной причине. Эти документы свидетельствуют о принципиальном сходстве всех видов ферайнов и одновременно об огромном их разнообразии. Наиболее распространенными были досугово-развлекательные (хоровые, садоводческие, игро-

вые, карнавальные, театральные, юмористические, курительные, туристические и т.д.), земляческие (объединения иммигрантов), религиозные (кружки чтения Библии и душевспасительной литературы), спортивные (гимнастические, велосипедные, гребные, стрелковые), благотворительные, лотерейные, страховые (включая кассы взаимопомощи, похоронные кассы), кредитные, потребительские, идеологические (националистические, государственно-патриотические, вольнодумные и др.), коллегиальные (объединения ветеранов воинских частей, лиц свободных профессий, чиновников, студенческие корпорации), профессиональные (частично смыкавшиеся с собственно профсоюзами наемных работников, а частично объединявшие работодателей), научно-просветительские (краеведческие, политехнические, исторические, искусствоведческие). К последней категории относились и стенографические ферайны. Они создавались с тем, чтобы распространять знания и практические навыки в области стенографирования, давать своим членам возможность один или два раза в неделю посещать организуемые ими курсы стенографии, обмениваться опытом, слушать доклады и лекции по этой и смежным темам, участвовать в соревнованиях на скорость и правильность записи и расшифровки стенограмм, а также пользоваться специальной библиотекой, комплектуемой за счет членских взносов. Первый стенографический ферайн в германских землях был основан в 1844 г., а уже в 1860-е годы число их составляло несколько сотен, и “каждый такой ферайн поставил себе задачу ободрять и поддерживать стенографистов, предоставленных самим себе, – проверять их упражнения и всячески помогать им словом и делом. Короче говоря, там царит активнейшая жизнь”⁴³. Кроме учебы, ферайны время от времени устраивали развлекательные мероприятия – экскурсии, пикники, банкеты, балы, многие предлагали своим членам регулярные уроки танцев – особенно распространено это было в Австрии⁴⁴. Подобно многим другим видам ассоциаций, стенографические ферайны в XIX–XX вв. практиковали коллективные дальние прогулки и игры на природе, причем участвовали в них члены организации независимо от возраста. Смысл в эти мероприятия вкладывался двоякий: с одной стороны, социально-педагогический – это была форма групповой интеграции (“совместная работа – совместный досуг”) и, когда речь шла о юношеских секциях, “работы с молодежью”⁴⁵, т.е. реализации воспитательной функции ферайнов, которую они считали не менее для себя важной, чем образовательную. С другой сто-

роны, прогулки служили гигиене труда: как гласит подпись под фотографией, сделанной во время одного из таких мероприятий, “всегда особое значение уделялось тому, чтобы после завершения работы по-настоящему отдохнуть, гуляя по лесам и полям”⁴⁶.

Более крупные объединения – союзы – занимались “системной работой”, т.е. обсуждением практических и теоретических проблем, которые существовали в любой стенографической системе, и способов их решения⁴⁷. На более или менее регулярно проводившихся съездах – от региональных до общегерманских – результаты таких обсуждений ставились на голосование и предложенные изменения и дополнения либо включались в свод правил, либо отвергались.

Судя по стенографической прессе, именно “проблемы системы”, т.е. мнения об относительных достоинствах и недостатках разных способов записи, были главным полем идейных битв, переходивших в ожесточенную “бумажную войну” на страницах журналов и газет, издававшихся ассоциациями разного уровня. Конфликты, подобные тем, что не затихали между системами, были частым делом и внутри них – когда кто-то придумывал что-то новое или не хотел принять чужие нововведения. Это во многих случаях приводило к расколам на конгрессах, возникновению течений и альтернативных организаций внутри системы, инвективам в их адрес в системной прессе, а затем к отделению “еретиков” и созданию ими собственной организационной сети, со своей пропагандой и прочими типовыми атрибутами. В этом между стенографическими организациями разных школ значительных различий не было: все они приблизительно в одинаковой мере были подвержены как действию импульсов обновления, так и консервативным настроениям. С одной стороны, культ основателей – “мэтров”, “учителей” и их “учений”, не препятствовал, а наоборот, способствовал регулярному появлению новых инициатив, ведь постоянное совершенствование являлось одним из главных принципов уже в собственной работе Габельсбергера, Штольце и других создателей систем; руководствуясь опытом практики, они вносили в свои детища изменения и дополнения до конца жизни, и такой подход завещали своим ученикам. “Развитие” систем было записано в качестве одной из уставных целей в уставы ассоциаций, а в наиболее крупных из них имелись специальные комитеты, занимавшиеся “проблемами системы”, т.е. выработкой и рассмотрением предложений по оптимизации. В Дрездене даже существовал специальный Стенографический

институт, одной из главных задач которого была работа над развитием габельсбергеровой системы, а впоследствии и Единой немецкой. Дискуссии по поводу тех или иных нововведений бывали очень ожесточенными и вели, как уже говорилось, порой к расколам, но они в принципе были элементом нормального функционирования стенографических ассоциаций.

С другой стороны, изменения, вносимые автором, и изменения, вносимые кем-то из его последователей, – это не одно и то же. Изобретая собственную систему, ее создатель был свободен в выборе принципов и правил, и ему не составляло большого труда внедрить их в собственной работе или переучить своих учеников. Если же число его последователей значительно возросло со временем, то вводить новшества, особенно инициированные не самим “мэтром”, становилось все труднее, так как это требовало всякий раз достижения все более и более широкого консенсуса. Одного лишь большинства голосов при формальных голосованиях бывало недостаточно: случалось, что организации голосовали за принятие тех или иных нововведений, а в прессе и в практике активно противодействовали им, или наоборот, сторонники отклоненных большинством вариантов не отступались от них.

Если судить по письмам и мемуарам, то на уровне индивидуального выбора разброс вариантов был велик: кто-то оставался верен до конца дней той системе, которую изучил однажды; кто-то, познакомившись с новинкой и оценив ее преимущества, переходил под новые знамена единожды или неоднократно; кто-то пользовался несколькими системами и не считал себя связанным клятвой верности какой-то одной. Если человек был просто “пользователем”, для него выбор был сугубо личным делом. Труднее было выбирать тому, кто являлся активным членом ассоциации: для него переход от одного способа записи к другому оказывался переходом в стан врагов, нарушением лояльности не только учению, но и своим товарищам, своей ассоциации, поскольку на институциональном уровне плюрализма не существовало: каждая стенографическая организация была посвящена только одной системе. Если “легитимный” переход и осуществлялся, то только всем составом, с соблюдением формальных процедур, переименованием, изменением устава: например, после введения Единой немецкой стенографии в 1920-х годах постепенно переходили на нее и низовые ячейки, и целые объединения более высокого уровня.

Все это – идейная борьба внутри организаций и между ними, расколы и взаимные обвинения в них, демократические процедуры обсуждения и принятия решений в сочетании с культом основателей и вождей, активная пропагандистская деятельность, направленная как на привлечение новых сторонников, так и на дискредитацию противников – сильно напоминает то, что знакомо нам по истории некоторых европейских и российских политических партий конца XIX и XX в. Сходство усиливается благодаря тому, что есть общее между стенографической риторикой и лексикой, с одной стороны, и политической, с другой. Вот наиболее красноречивые, как кажется на первый взгляд, примеры: приверженцы одной и той же системы назывались в стенографической прессе *Systemgenossen*, т.е. “товарищи по системе”. В конце писем и листовок некоторые стенографические организации как в XIX в., так и после Первой мировой войны писали приветствие “*Schrift Heil!*” – это то самое “хайль!”, которое знакомо нам по нацистскому приветствию, появившемуся позже. Однако не следует спешить с выводами. Приветствия со словом *Heil* употреблялись достаточно широко, и не только в партийно-политическом лексиконе: с него начинался государственный гимн Германской империи “*Heil Dir im Siegeskranz*”, оно встречалось в традиционном приветствии рыбаков “*Petri Heil!*”⁴⁸, оно же было на эмблемах спортивных ферайнов в словосочетаниях “*Gut Heil!*”⁴⁹ или “*All Heil!*”⁵⁰. На вопрос о том, из какой сферы в какую осуществлялось заимствование слов и практик, единого и однозначного ответа дать нельзя. Проиллюстрирую это двумя примерами.

1. В 90-е годы XIX в. студент Герман Хофман, ведущий стенографический кружок-факультатив в одной из гимназий Штеглица (ныне это район Берлина), начал ходить со своими учениками в пешие загородные походы. Довольно быстро из этой инициативы вырос отдельный туристический ферайн, а затем и целое общенациональное юношеское движение пеших походников, получившее название “*Wandervogel*” (“Перелетная птица”), – одно из наиболее значительных явлений в молодежной субкультуре Германии XX в. Многие из понятий, практик и организационных форм, характерных для “перелетных птиц” на тех или иных этапах их истории, были свойственны впоследствии и гораздо более идеологизированным и политизированным молодежным организациям, причем из всех частей партийного спектра, включая нацистов справа и коммунистов слева, так что в определенной мере можно говорить о заимствовании. Среди наиболее заметных черт,

которые мы встречаем позже и у “Гитлерюгенда”, и у пионеров, и у скаутов, – иерархизированная по возрасту структура, романтика пения под гитару у лесного костра (хотя набор песен мог сильно различаться, были и такие песни из репертуара “перелетных птиц”, которые потом пользовались популярностью у всех организаций, независимо от идеологической направленности), ориентация на фигуру руководителя подразделения, называемого Führer (на русский это слово можно перевести по-разному: и “вождь”, и “вожатый”, и “предводитель”, и “вожак”; коннотации всякий раз получатся разные, а в немецком слове все они были тогда нераздельны), доходящая временами до преклонения и обожания со стороны подчиненных и до диктаторских практик со стороны самого “фюрера”. На протяжении истории организации “Wandervogel” у нее сменилось несколько поколений руководителей и несколько идейных и организационных моделей, поэтому нельзя говорить, что, например “Гитлерюгенд” напрямую заимствовал что-то у стенографического кружка или тем более из него вырос. Скорее можно сказать, что распространение каких-то образцов в данном случае шло скорее из стенографической жизни в прочие сферы, в том числе и в партийно-политическую, а не наоборот.

2. Начнем с цитаты:

“...даже в его отсутствие дух его – с нами; и в последующем, когда он уже не будет зримо присутствовать среди своих приверженцев, имя его и дело всегда будут оставаться тем знаменем, которое нас объединяет и вокруг которого мы сплотимся.

Да, именно так: он дал нам знамя, и наша честь – в том, чтобы отстаивать честь этого знамени, оборонять его от нападков и идти за ним до победы.

Мы не отступимся [...] мы будем продолжать борьбу, пока не победим или пока силы наши не иссякнут. [...] Будем же гордиться тем, что мы – современники Роллера, которым еще суждено из его собственных уст слышать, каким он видит свое дело и какого содействия ждет от своих учеников. Будем же к этому стремиться и употребим все силы на то, чтобы эта надежда сбылась. [...] мы хотим и будем всегда непрестанно и неотступно работать ради того дела, которое он дал миру, чтобы имя Роллера особенно в этом городе все более победоносно шло к победе его дела и к признанию. [...] Правда того дела, за которое мы выступаем, победоносно пробьет себе дорогу – с помощью государства или без нее”⁵¹.

Не зная, о чем и о ком говорит оратор, легко принять эти слова за цитату из речи на политическом собрании или статьи в партийной газете.

Прочитанная речь была опубликована в берлинском журнале “Пионер” в 1903 г. Посвящена она была человеку по имени Генрих Роллер. Доктор Бран, его сподвижник, произнес ее на торжестве по случаю 65-летия Роллера, где тот не смог присутствовать из-за тяжелой болезни. Роллерианцев – так назывались его приверженцы – в Германии на тот момент было около двух тысяч. А делом, объединявшим их, была не политическая революция, а стенография. Точнее, не вообще стенография, а именно система Роллера. Возможно, в данном случае сходство околостенографической и партийно-политической риторики усиливалось благодаря тому, что Роллер был социал-демократом и активно участвовал в политической деятельности. Не исключено, что его последователи, члены берлинского роллерианского союза, разделяли с ним не только стенографические, но и идеологические взгляды, перенося язык социал-демократической пропаганды в свои выступления на неполитические темы.

О причинах такого сходства и, возможно, даже некоторого взаимовлияния коммуникационных кодов стенографических ферайнов и политических партий на данном этапе исследований нельзя сказать ничего определенного. Этот вопрос требует дальнейшего изучения. Пока приходится ограничиться лишь констатацией того эмпирического факта, что, в отличие от других видов неполитических общественных организаций, сведения о которых обнаруживаются в архивах и в литературе, эти были несравненно больше ориентированы на идейную борьбу и агитацию. Можно предположить, что активная, страстная, бескорыстная в материальном отношении и бескомпромиссная в идейном, демократическая по организационным формам и при этом неполитическая деятельность, которой предавались в стенографических ферайнах и в специальной периодике тысячи немцев в XIX в., служила для них заменой (в условиях реакции после 1848 г.) или продолжением их политической активности.

Какие еще черты сходства и отличия между стенографическими ферайнами и другими сравнимыми видами организаций можно установить по историографическим и архивным данным?

Большой интерес представляет вопрос о том, в какой степени стенографические ассоциации были интегрированы на персональном уровне в общий “ландшафт ассоциаций”, который существовал и существует в немецкоязычной части Европы, – иначе говоря, как сочеталось членство в этих и в других ферайнах.

К уставам, которые ассоциации подавали полицейским властям при регистрации, часто прилагались списки членов. По документам разных ферайнов можно установить, в каких из них состоял один и тот же человек: такое было не редкостью. Считается, что в сегодняшней ФРГ каждый гражданин в среднем является членом двух ферайнов; 100–150 лет назад положение было, по моему впечатлению, несколько иным – во всяком случае, большинство имен в известных мне списках стенографических ферайнов из западных провинций Пруссии конца XIX в. не встречаются в списках других организаций. Но некоторое количество пересечений все же можно констатировать. Вот несколько примеров из окрестностей промышленного города Золингена в Рурской области: в списке членов стенографического ферайна “Verein für vereinfachte Stenographie” в городке Вальд⁵² за 1894 г. – 12 человек. Численность большинства ферайнов – 10–20 чел., а Bochumer Verein der Centrums-Partei (т.е. политическая ассоциация) насчитывал 288 чел. в 1876 г., потом добавились еще 120; такое большое количество членов было редкостью в тех местах⁵³. Из этого длинного списка два имени встречаются в хронологически близких списках других организаций: Рудольф фом Айген был в том же 1894 г. членом совета и вторым хранителем инвентаря в гимнастическом ферайне “Wald-Merscheider Turn-Verein”, а Эрнст Гра в 1896 г. значился пассивным членом певческого ферайна “Eintracht” в г. Кройцвер⁵⁴. В уставе вальдского стенографического ферайна “Unitas” за 1901 г. фигурирует секретарь-протоколист Эмиль Хенс, чье имя встречается в 1907 г. в списке членов ферайна молодых либералов “Jungliberaler Verein Wald”⁵⁵. Герман Заам, бывший в 1902 г. секретарем-протоколистом ферайна “Verein für vereinfachte Stenographie” в Вальде, в 1896 г. упоминается как член ферайна коммерсантов “Kaufmännischer Verein zu Wald” (уставная цель его заключалась не только в том, чтобы “представлять интересы торгового сословия”, но и в том, чтобы “обеспечивать его членам возможность повышать свое образование”, поэтому не исключено, что там преподавалась стенография, считавшаяся важным подспорьем в торговом делопроизводстве и ведении переписки); не исключено, что этот же человек фигурирует как “Г. Заам, коммерсант” в списке вышеупомянутого молодежного либерального ферайна за 1907 г., где состоял тогда и коммерсант Петер Браун, годом ранее (1906) упомянутый как кассир вальдского “Verein für vereinfachte Stenographie”⁵⁶. А их товарищ по стенографическому ферайну Пауль Рёльтген, занимавший

там в 1902 г. должность библиотекаря, встречается нам среди пассивных членов мужского певческого ферайна “Sängergruss” в 1897 г.⁵⁷ Сменивший его к 1906 г. на посту хранителя учебников стенографии Роберт Гра был в 1897 г. членом мужского хорового ферайна “Männerchor der Gottl. Hammesfahr’schen Arbeiter zu Foche & Gräfrath”⁵⁸.

Если мы обратимся к источникам из другого рурского городка – Бохума, то там картина схожая: в списке членов ферайна стенографистов-габельсбергерианцев “Gabelsberger’scher Stenographen-Verein”, поданном в полицию при его регистрации 23 июня 1879 г.⁵⁹, среди 16 ординарных членов и шести членов-корреспондентов (т.е. живущих в других городах) встречается некий Х. Шмидт. Фамилия эта очень распространенная, хотя в этом регионе более распространена форма Шмитц. Поэтому можно предположить, но не с уверенностью утверждать, что именно этот Х. Шмидт фигурирует в списках членов бохумского Общества страхования свиней “Verein für Versicherung von Schweinen in der Voede”, основанного шесть лет спустя, в 1885 г.⁶⁰ Фамилия Раутенберг встречается реже, поэтому достаточно вероятно, что Ф. Раутенберг, состоявший в 1879 г. в этом стенографическом ферайне, – это тот самый человек, что годом позже вступил в лотерейный ферайн “Надежда”⁶¹. Секретарем основанного 31 июля 1877 г. в Бохуме ферайна стенографистов-штольцеанцев “Stolze’sche Stenographen Verein”⁶² был фабричный служащий Генрих Фельмике, который был также членом ассоциации коммерсантов “Kaufmännischer Verein zu Bochum”. Последняя, правда, образовалась на восемь лет позже, в апреле 1885 г.⁶³, и у нас нет сведений о том, состоял ли еще на тот момент Фельмике в стенографическом ферайне. То же касается и казначея “Stolze’sche Stenographen Verein” Вильгельма Клюппеля, который в 1881 г. значится членом Бохумского охотничьего клуба “Bochumer Jagdclub”⁶⁴.

Таким образом, если говорить о малых и средних городах, складывается впечатление, что членство в нескольких ферайнах одновременно не было правилом для друзей стенографии в Германии (или, по крайней мере, в западной части Пруссии) в конце XIX в. Отчасти это можно объяснить тем, что членские взносы, хотя и сравнительно невысокие, все же обременяли семейный бюджет и только обеспеченные люди позволяли себе платить их в нескольких местах. Недаром двойное членство так часто встречается у членов правления ферайнов (казначеев, секретарей) – ими

обычно выбирали людей, пользовавшихся уважением и доверием, то есть людей “с положением”: предпринимателей, коммерсантов, высокопоставленных чиновников.

Можно предположить, что в каком-то проценте случаев членство в двух разных ассоциациях было скорее статусным символом, нежели способом удовлетворения двух различных культурных потребностей. Тем более, что зачастую – особенно ближе к концу XIX и в XX в. – создавалась возможность сочетать разные занятия и в рамках одной и той же организации. Так, например, стенографический ферайн в вестфальском городе Хамме в 1950-е годы имел собственный оркестр губных гармоник и секцию настольного тенниса⁶⁵.

Итак, один и тот же человек часто предавался разным увлечениям и состоял ради этого в нескольких ферайнах или посещал разные мероприятия в одном, что было, конечно, дешевле, поскольку приходилось платить меньше членских взносов. С другой стороны, была довольно распространенной ситуация, когда несколько человек из одной семьи (до рубежа веков чаще мужчины – братья или отцы и сыновья) имели общие увлечения и состояли в одном и том же ферайне: фамилии в списках членов часто повторяются, и при некоторых стоят пометки “младший”, что явно указывает на сравнительно близкую степень родства. Разумеется, лишь очень немногие из этих людей настолько увлекались скоростным письмом, что оно становилось для них делом жизни, передававшимся по наследству, как семейное ремесло⁶⁶.

Состоять в ферайне – еще не значило быть стенографистом (певцом, велосипедистом, стрелком и т.д.). Многие члены были “пассивными”, т.е. не занимались собственно главной уставной деятельностью, а только участвовали во всяких сопутствующих мероприятиях. Активные члены, окончив курс, далеко не всегда продолжали практиковаться и часто утрачивали приобретенные навыки. Для кого-то занятия были скорее данью моде, поводом провести время с друзьями или познакомиться с новыми людьми – это не отличало организации стенографистов от певцов или самодеятельных артистов. Порой совместные занятия сводили людей вместе и, познакомившись в ферайне, они впоследствии связывали свои жизни друг с другом на многие годы. Один из примеров (первая половина XX в.) приведен в автобиографическом рассказе женщины из Рурской области, который разбирает в своей книге Л. Нитхаммер⁶⁷. Это, впрочем, встречалось и в других видах ассоциаций. Отличительной особенностью стено-

графических ферайнов было, пожалуй, прежде всего то, что обучение скоростному письму было – или, по крайней мере, могло и должно было стать – инвестицией в карьеру. В подавляющем большинстве других ассоциаций не обучали ничему, что имело бы сопоставимую прагматическую ценность. Разве что организации эсперантистов, возникшие на рубеже XIX–XX вв., могли бы претендовать на сходство со стенографическими ферайнами в этом отношении: они тоже имели одной из главных своих целей именно *обучение* максимального числа людей тому, что призвано было существенно помочь им в учебе, в любой работе, в деловой и частной жизни.

Для того, чтобы нагляднее выявить черты своеобразия стенографических ферайнов или сходства их с другими, ниже я буду сравнивать их с двумя наиболее распространенными в Германии в XIX и значительной части XX в. видами ассоциаций, а именно – с хоровыми и гимнастическими⁶⁸.

В силу законодательных предписаний все ассоциации обладали схожей организационной структурой: в них существовали неперенные выборные должности председателя, секретаря и казначея (с заместителями или без); процедурой принятия решений было голосование на общем собрании⁶⁹. На ранней фазе своего существования (1811–1819) гимнастические ассоциации обходились без письменных уставов, но в 1840-х годах, когда появились стенографические ферайны, закон уже требовал, чтобы у каждой общественной организации был статут, который подавался при регистрации в местные органы власти. В нем по единой схеме перечислялись цели ферайна, средства для их достижения, порядок работы (например, время и место собраний и т.д.), приема и исключения членов, виды членства. Во всех трех рассматриваемых здесь видах ферайнов существовало деление членов на активных (т.е. занимающихся пением, гимнастическими упражнениями, стенографированием или обучающих этому) и пассивных, т.е. участвующих только в социальной жизни ферайна – выездах, праздниках, докладах, различных формах коллективного времяпрепровождения – и, зачастую, поддерживающих ферайн материально, морально и организационно, но по той или иной причине не поющих, не подходящих к спортивным снарядам и не пишущих под диктовку значки в блокноте⁷⁰. Таких бывало иногда около половины, а в отдельных случаях даже больше половины общего состава ферайна. В гимнастическом движении над ними просто подшучивали, называя “устными гимнастами”

(Maulturner), а в стенографическом соперники часто указывали на слишком большое число пассивных членов как на признак того, что ферайн “ненастоящий”.

Поскольку количество ферайнов само по себе было важно как аргумент в конкурентной борьбе, любители скоростного письма создавали их очень активно, однако зарегистрировать ассоциацию было легче, чем “наполнить” ее хотя бы пассивными членами, поэтому в сравнении с певческими и спортивными обществами стенографических союзов было больше, а численность каждого из них была в среднем меньше: к 1848 г. в германских землях существовало около 300 гимнастических ферайнов, в них состояло 80–90 тыс. человек, т.е. средняя численность составляла около 250 человек, тогда как стенографические, кроме берлинских, редко насчитывали больше 20 членов даже в период наибольшей популярности быстрого письма (и наибольшего обострения конкурентной борьбы) на рубеже XIX–XX вв.⁷¹

Вместе с тем, если говорить о механизме образования ферайнов, существовало значительное сходство между тремя рассматриваемыми их видами. На раннем этапе (до 1840-х годов) гимнастические ферайны возникали благодаря неустанной деятельности руководителя и нескольких членов одного – берлинского – ферайна, которые ходили (а после распространения железных дорог ездили) по городам и пропагандировали гимнастику. В 1811 и 1819 гг. “отец гимнастики” Фридрих Людвиг Ян рассылал эмиссаров с заданием создавать ферайны повсюду. Начиная с 1840-х годов движение набрало собственную динамику, и организации стали возникать уже самостоятельно⁷². Многие хоровые ферайны и объединения более высокого уровня тоже были созданы приходившими или приезжавшими из других мест активистами. Точно так же многие стенографические ферайны создавались эмиссарами от основателей систем: в их роли выступали стенографисты, которым выпадала поездка в какой-то город с целью, например, записи конгресса или по другим делам.

В том, что касается социально-демографического состава членов, ферайны проделали более или менее однотипную эволюцию от резкой дифференцированности в ранний период к однородному составу в XX в. Так, все три вида ассоциаций изначально были мужскими, потом в них появились дамские секции и отдельные дамские ферайны, а смешанные возникли лишь на рубеже веков. Единственное различие состоит в том, что деление хоровых и гимнастических организаций на мужские и женские или юноше-

ские и “взрослые” могло быть некоторым образом обосновано содержательно: существует некоторое количество вокальных произведений и гимнастических упражнений, предназначенных только для мужчин или для женщин, только для подростков или для людей в возрасте. Стенографические же системы дифференцировались лишь по скорости письма, а она зависела только от длительности и усердности занятий. Поэтому с прогрессом эмансипации женщин они составили значительную, а потом и преобладающую долю обучающихся и практикующих стенографистов.

Социальный состав в разных гимнастических и хоровых ферайнах был различен, но в целом можно сказать, что среди их членов чаще всего встречались представители разных слоев буржуазии от студентов и ремесленников до образованных людей, а в хоровых ферайнах встречались и весьма состоятельные владельцы недвижимости, капиталов и фабрик. Относительное большинство членов гимнастических ферайнов составляли подмастерья, в певческих – мастера; следом за ними шли торговые предприниматели и служащие⁷³. По стенографическим ассоциациям сводной статистики нет, но в целом впечатление таково, что тенденция была в сторону массовости: чем дальше, тем больше наряду с “чистой публикой” в ферайны приходили люди из низших слоев – в особенности это относится к системе “Упрощенной стенографии по системе Штольце–Шрая”, которая именно своей простотой для изучения привлекала малообразованных людей, не располагавших большим досугом. Рабочие и мелкие служащие, которых в первой половине XIX в. были единицы, во второй половине XIX и начале XX в. не только стали чаще записываться в существующие ферайны: возникали и собственно рабочие ассоциации, в том числе и спортивные, и вокальные, и стенографические. Дворян, как и представителей духовенства и крестьянства, среди членов ферайнов всех трех рассматриваемых видов практически не было.

Ферайны могли делиться по своему отношению к национальному вопросу. В идеологии гимнастического движения важную роль играла ценность “немецкого”, многие ферайны исповедовали патриотические, националистические и шовинистические, антисемитские принципы. Для хоровых это было не типично. Национальную окрашенность они имели преимущественно в Рурской области, где были сосредоточены большие массы польских трудовых иммигрантов, которые объединялись в собственные ассоциации. Стенографические же ферайны были в Германии как

правило ориентированы, как и сами системы, на интернациональность. В частности, одним из направлений их работы была адаптация немецкой стенографии для других языков. Даже та система, которая была названа “Национальной стенографией”, не отличалась сколько-нибудь выраженным национализмом. В Австрии ситуация была иной: там в 1900 г. был образован “Первый немецкий австрийский союз стенографистов (система Габельсбергера)”, который в 1903 г. закрепил в своем уставе принцип, что “членом может стать любой немец обоего пола”. Представители других этнических групп, живших в многонациональной империи, таким образом, в союз не допускались. Подобная исключительность, впрочем, сохранялась недолго: уже в 1907 г. слово “немец” было заменено в уставе на “лицо”. Означало ли это, что на практике стали принимать не только немцев, сказать сегодня невозможно. Название “немецко-австрийский” сохранялось долго, и только в 1946 г., когда ассоциация восстанавливалась после временного закрытия при нацистах, ей было предписано «на первом же общем собрании изменить устав и удалить из названия ферайна слово “немецкий”». В январе 1947 г. организация переименовалась в “Союз стенографистов Австрии”⁷⁴.

Вообще если говорить о политической идеологии, то, несмотря на описанное выше сходство риторики стенографических и политических идейных баталлий, все же большинство ферайнов в немецких землях выглядят на протяжении XIX в. аполитичными. Это было связано с законодательной ситуацией: занятие политической общественным организациям было долгое время запрещено, и в уставе каждого ферайна обязательно оговаривалось, что он является “неполитическим”. Лишь на рубеже столетий появились социал-демократические, католические (т.е. центристские), либеральные и т.п. ассоциации, однако политизированные стенографические кружки и хоры были редкостью (впрочем, можно считать признаком политизации такую формулировку в уставе отдельных рабочих вокальных ферайнов, как “разучивание отвечающих современной ситуации” песен). Показательна в этом отношении реакция на революцию 1918 г. со стороны Трирского союза стенографистов (система Шайтхауэра). Его газета “Тирон” писала в передовице ноябрьского номера: “Спокойствие – первейший долг гражданина. В эти дни, которые принесли нам большие перемены, необходимо сохранять спокойствие и порядок. Каждый должен оставаться на своем посту и следить за тем, чтобы все шло, как обычно! Так мы собираемся поступать и в нашем ферайне.

Не следует пропускать домашние упражнения, а главное – не следует забывать, что кассе нашего ферайна нужны деньги. Поэтому мы просим вовремя перечислять ежемесячные взносы на счет [...]. Слава письму! И еще раз! Каждый пусть выполняет свой долг, в большом – по отношению к отечеству, в малом – по отношению к нашему стенографическому ферайну!»⁷⁵

У хоровых обществ в то время не было своей прессы, во всяком случае, не было развитой периодики, поэтому судить об их реакции на революционные события мы не можем. У гимнастических союзов были журналы, однако мне они в библиотечных и архивных собраниях не встречались. Из исследования, посвященного первой половине XIX в., известно, что гимнастическая публицистика появилась в начале 1846 г.: сначала ежегодник, потом ежемесячные, а впоследствии даже еженедельные журналы. Но всем этим изданиям не была суждена долгая жизнь: одни журналы просуществовали до 1847 г., другие до 1852. По большей части они были аполитичны, хотя некоторые и помещали у себя на страницах статьи с политической критикой⁷⁶. Идеино-политические разногласия, собственно говоря, были для гимнастов тем, чем для стенографистов были разногласия по поводу письма: “войны систем” и конкуренции спортивные общества не знали, а раскол в движении произошел из-за споров о том, какой путь политического развития предпочтителен для немецкого народа. Одни ферайны выступали в преддверии революции 1848 г. за конституционно-либеральный путь развития Германии, другие – за демократически-республиканский⁷⁷.

Эпитет “демократический”, который я выше несколько раз употреблял применительно к ферайнам XIX в., человеку сегодняшнего дня, возможно, покажется плохо совместимым с понятием “вождь”, однако для описываемых здесь ассоциаций было характерно именно такое сочетание. Парадокс – лишь кажущийся, поскольку содержание, которое вкладывалось в то время в политико-идеологические понятия, было иным, и это необходимо иметь в виду, пусть нам и трудно, может быть, его постичь, отвлекаясь от исторического опыта диктатур XX в. В эпоху, не знавшую еще ни Ленина, ни Гитлера, ни Хонеккера, но уже знавшую Лассаля, своеобразный культ лидера и/или основателя был характерен для многих ассоциаций. Комнаты для собраний и бланки ферайнов украшали портреты Ф.Л. Яна, Ф.К. Габельсбергера и других создателей школ; в текстах часто встречаются выражения “Vater Jahn”, “unser Führer”, “Meister”, “Jünger” (“ученики” –

это то же слово, каким называются в немецком языке апостолы Христа). Однако содержание таких текстов, в отличие от цитированного выше панегирика Роллеру, могло и не обнаруживать признаков "культы вождя" в привычном нам смысле – например: "В качестве секретаря союза нам требуется филолог или юрист, получивший журналистскую подготовку; только он был бы в состоянии пусть не заменить мэтра, но все же постепенно работать в дела нашего союза, стать нам другом, а в будущем – надеемся, пока еще отдаленном – и вождем"⁷⁸.

Жизнь всех видов ферайнов, не только стенографическая, складывалась из еженедельных собраний (репетиций, тренировок, уроков) и крупных событий, происходивших обычно раз или два раза в год и объединявших несколько локальных и региональных организаций. Главными формами таких крупных регулярных коллективных мероприятий во всех трех видах ферайнов были праздники (или сборы, конгрессы, слеты), сопровождавшиеся соревнованиями. Степень публичности этих мероприятий была неодинаковой. Так, в отличие от стенографических соревнований, в которых могли участвовать лишь те, кто владел специальными навыками, гимнастические и певческие праздники были открыты для всех: в исполнении упражнений или песен мог принять участие любой желающий из числа местных жителей, гостей и т.д.⁷⁹

Благодаря развитию железнодорожного и пароходного сообщения праздники с середины XIX в. начали приобретать надрегиональный характер, но и раньше на них пешком приходили делегаты из достаточно отдаленных мест: это известно применительно и к хоровым, и к гимнастическим сборам⁸⁰. Стенографические съезды начали созываться позже, когда транспортная сеть в Германии была уже достаточно хорошо развита, поэтому их участники совершали пешие переходы только во время коллективных прогулок и экскурсий – это была вторая важнейшая форма совместного времяпрепровождения, характерная для разных ферайнов. Каждому члену ассоциации обычно разрешалось за отдельную плату взять с собой еще по одному человеку.

На прогулках, во время банкетов по случаю съездов и прочих торжественных okazji члены ферайнов обычно исполняли песни. Репертуар заимствовался частично, так сказать, извне, но ассоциации – не только хоровые, но и гимнастические, и стенографические – имели и "свой" песни. Они выпускали собственные пе-

сенники⁸¹, причем у разных школ скоростного письма были свои поэты, и песни были наполнены зачастую боевым духом “войны систем”⁸².

На этом я прерву цепочку сопоставлений, которую в принципе можно было бы продолжать бесконечно. В заключение хотелось бы сформулировать основные выводы. Первый и главный из них заключается в том, что понятие “стенографическая жизнь”, использованное в этой статье, продемонстрировало, на мой взгляд, достаточную эвристическую силу: оно позволило рассматривать (разумеется, пока лишь в первом приближении!) историю стенографии не с точки зрения развития ее как системы записи устной речи, а как жизнь систем и организаций, как историю социально-культурных практик. На фоне недостаточной проработанности этой темы в историографии данный результат можно считать важным шагом вперед.

Второй вывод, который можно сделать после первого знакомства с памятниками стенографической жизни XIX–XX вв., не покажется неожиданным: многие вопросы здесь только поставлены и намечены, и они требуют более обширного и углубленного анализа. Лишь самый предварительный ответ может быть дан пока на поставленный в начале статьи вопрос о специфике стенографической жизни и ее институциональных форм. Возникает – но требует проверки – впечатление, что на протяжении некоторого времени в немецкой истории быстрое письмо в совокупности с сопровождающими его практиками играло роль, далеко выходящую за рамки чисто прагматической полезности: для множества людей оно было работой и структурировало часть свободного времени; оно было мировоззрением, оно было полем битв. Стенография с ее культом рационального использования ресурсов, с ее борьбой систем и с ее организациями представляла собой очень показательный элемент целого комплекса социально-культурных феноменов, составивших переломный период, когда “Германия ученая” превращалась в “политическую”.

¹ Традиционно родоначальником стенографии считают Тирона – секретаря Цицерона, изобретшего значки, с помощью которых он мог записывать речи своего господина. “Тироновы ноты” были в ходу на территории бывшей Римской империи до XII в.

² Под “германскими” землями применительно к периоду до 1871 г. я имею в виду немецкий культурно-языковой ареал, включающий как государства, объединившиеся потом в Германскую империю, так и Австрию (Австро-Венгрию), не вошедшую в ее состав. Не менее важную роль, чем различия и

барьеры между этими государствами, играла в описываемых процессах и все усугублявшаяся в них тенденция к интеграции и унификации.

- ³“Stenografie ist kein Studiengang, sondern lediglich als Hobby zu wählen”: Interview mit Gerd Miethe, dem Leiter des Stenografischen Dienstes. URL: http://www.n-21online.de/y/n_21/LT_artikel.asp?OR=234&MP=3&MPU=1.
- ⁴О моде в письменности см.: *Levinson K.* Mode in der Schrift: Zur graphischen Gestaltung der deutschen Handschriften in der Frühen Neuzeit // Text als Realie: Internationaler Kongress in Krems an der Donau, 6.–10. Oktober 2000. Wien, 2003. S. 395–406.
- ⁵Едва ли не единственная исторически ориентированная работа, на которую можно указать в этой связи, – небольшая популярная книга, вышедшая почти полвека назад: *Юрковский А.М.* Стенография сквозь века. М., 1969.
- ⁶К классическим работам по истории стенографии относятся: *Faulmann K.* Geschichte und Litteratur der Stenographie. Wien, 1895; *Johnen C.* Allgemeine Geschichte der Kurzschrift. 4., völlig neubearb. Aufl., Berlin, 1940. Новейшие работы – *Moser F. u. a.* Lebendige Kurzschriftgeschichte: Ein Führer durch Kurzschriftlehre und Kurzschriftgeschichte. 9. Aufl. Darmstadt, 1990; *Kaden W.* Neue Geschichte der Stenographie. Von der Entstehung der Schrift bis zur Stenographie der Gegenwart. Dresden, 1999, а также Geschichte der deutschen Kurzschrift / Hg. von L. Schneider, G. Blauert. Wolfenbüttel, 1936. Erweitert im Oktober 2006 von Dr. Eva Scheithauer-Waldron, Enkelin von Karl F. Scheithauer.
- ⁷Allgemeine Deutsche Biographie, Allgemeine Österreichische Biographie – обе доступны теперь в Интернете, – а также Österreichisches Biographisches Lexikon 1815–1950. Wien, 1981.
- ⁸Примеры: *Bauer E.* Heger, Ignaz Jacob // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1880. Bd 11. S. 275–276 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Heger_Ignaz_Jacob&oldid=1365867); *Johnen C.* Conn, Leopold // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1903. Bd. 47. S. 510–511 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Conn_Leopold&oldid=1362806); *Idem.* Faulmann, Karl // Allgemeine Deutsche Biographie / herausgegeben von der Historischen Kommission bei der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. 1904. Bd. 48. S. 500–504 (URL: de.wikisource.org/w/index.php?title=ADB:Faulmann_Karl&oldid=981198).
- ⁹Имеется в виду стенографическая система Мозенгайля (1796), представлявшая собой адаптацию английской системы Тэйлора к немецкому языку. Большого распространения она не имела, и последующие системы не родственны ей.
- ¹⁰Der Pionier: Monatsschrift für Roller'sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280. Без пагинации.
- ¹¹См. письмо заместителя министра по делам религии, образования и медицины фон Каппиуса кайзеру Вильгельму от 18 августа 1912 г. Geheimes Staatsarchiv Preußischer Kulturbesitz (далее: GStAPK), I HA Rep. 89 Geh. Zivilkabinet, jüngere Periode, Nr. 21380.
- ¹²GStAPK. I. HA Rep. 76 Kultusministerium VI Sekt. I x Nr. 5 Adhib. Bd. 3. Stenographie-Zeitschriften Juli 1901 – Sep. 1903.
- ¹³Merkesiana: Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems. Juni-Nummer 1901. S. 89.
- ¹⁴Idem. S. 86.
- ¹⁵Idem. S. 74.

- ¹⁶ *Steinbrink G.* Über den Begriff der Wissenschaftlichkeit auf dem Gebiet der Stenographie. Berlin, 1879.
- ¹⁷ *Menz A.* Geschichte der Stenographie. 2., verb. Aufl. Berlin; Leipzig, 1920. S. 83.
- ¹⁸ Geschichte der Kurzschrift. URL: <http://www.steno.ch/hfm/120.htm#biografien>.
- ¹⁹ http://de.wikipedia.org/wiki/Heinrich_August_Wilhelm_Stolze. Отметим, что ценностные ориентации середины XIX в. все еще присутствуют в тексте этой статьи Википедии, размещенной в интернете и открытой для редактирования.
- ²⁰ В оригинале – leichtfüßiger – дословно “легконогий”, т.е. движущийся быстро и грациозно. Сам этот эпитет вызывает ассоциации с танцем, подчеркивая близость к искусству.
- ²¹ Эти слова Макса Беклера, одного из ведущих деятелей системы Штольце–Шрая, злорадно цитировали его конкуренты из системы Меркеса. См.: *Merkesiana: Fachblatt zur Förderung des Merkes'schen Stenographie-Systems.* Juni–Nummer 1901. S. 78.
- ²² Reichstagsprotokolle. Bd. 385, 61. Sitzung. S. 1828 B. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000069_00723.html, http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/rtb2/Blatt_bsb00000069_00723.html.
- ²³ Die Stenographenpost. 1954. Nr. 4. S.1.
- ²⁴ Die Stenographenpost. 1959. Nr. 2. S.2.
- ²⁵ *Faulmann K.* Op. cit. S.77. В Кремзир (чешск. Кромержиж, ныне в Чешской Республике) после подавления восстания в Вене в 1848 г. переехал и заседал в епископском дворце до марта 1849 г. австрийский рейхстаг.
- ²⁶ Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier. Trier, den 1. November 1918. Nr. 1. S. 2.
- ²⁷ *Jäkel H.* Roller oder Stolze? Eine Beleuchtung der Jacobsohnschen Kritik des Rollerschen Systems. [Berlin, o. J.]. S. 3.
- ²⁸ *Parish E.* Vergleich der Rollerschen und der Neu-Stolzeschen Stenographie in Bezug auf ihre Leistungsfähigkeit // *Jäkel H.* Op. cit. S. 27.
- ²⁹ Reichstagsprotokolle. Bd. 385, 61. Sitzung. S. 1828 B. URL: http://www.reichstagsprotokolle.de/Blatt2_w3_bsb00000069_00723.html, http://mdz1.bib-bvb.de/cocoon/rtb2/Blatt_bsb00000069_00723.html.
- ³⁰ См.: *Einhundert Jahre rationelles Schreiben* (URL: <http://romancechat.reocities.com/CollegePark/Library/4886/chronik.html>). Впрочем, высказывалось и другое мнение: Ф. Шпехт в книге “Кем может стать стенографист” (*Specht F.* Was ein Stenograph werden kann. Berlin, 1910) посвятил теме “кем может стать стенографистка” отдельную главу, где описывал социальную карьеру, которую несколько дам сделали благодаря владению стенографией. Шпехт развивал мысль, что в обществе его времени становилось все больше таких женщин, которые мужчинам были неинтересны, и их надо было как-то занять – поэтому их стали нанимать секретаршами.
- ³¹ Близкий к нам ранний пример – Анна Сниткина, стенографистка, нанятая Ф.М. Достоевским из чисто меркантильных соображений (его финансовые интересы напрямую зависели от сроков сдачи романа “Игрок”) и ставшая впоследствии его женой.
- ³² Например, в 1902 г. начал издаваться ежемесячный журнал (объем – 380 стр. в год), не связанный тематически с работой стенографов, – *Schulzes Illustrierte Unterhaltungsblätter für Stenographen.* System Stolze-Schrey. Neunter Jahrgang. Berlin, 1910. Почти весь текст (кроме титулов, кратких редакционных замечаний) в нем был напечатан стенографическими знаками. Набор материалов –

обычный для “иллюстрированных журналов” того времени: стихи по сезону, познавательные статьи, например, об африканских племенах, о морских катастрофах, о черепахах, об археологических находках (древние украшения, динозавры), о детях, о животных, в том числе диких (змея с двумя головами), загадки, задачи с призами. Распространялся он через книжные магазины и по подписке без ограничений по цене 3 марки за год, один номер стоил 30 пфеннигов. К журналу выпускались приложения – романы, новеллы – они тоже печатались стенографическим шрифтом.

- ³³ См., например: *Correspondenzblatt des königlich-Sächsischen Stenographischen Instituts; Deutsche Stenographenzeitung; Das Neue Testament unseres Herrn und Heilandes Jesu Christi, übersetzt von D. Martin Luther. Erste deutsche stenographische Ausgabe / Übertragen und autographirt von Heinrich Krieg, Professor am königl. stenographischen Institut zu Dresden. Dresden, 1870, и др. издания, перечисленные в каталоге: Hiel K. Verzeichniss der stenographischen Literatur (Druckwerke und Kunstgegenstände) Deutschlands und der wichtigsten gleichartigen Erscheinungen des Auslandes. Leipzig, 1880.*
- ³⁴ В рамках только одной из множества немецких стенографических систем на рубеже XIX–XX вв. число обучающихся составляло более четырех миллионов – см. http://de.wikipedia.org/wiki/Franz_Xaver_Gabelsberger.
- ³⁵ *Schulzes Illustrierte Unterhaltungsblätter für Stenographen. System Stolze-Schrey. Neunter Jahrgang. 1910.*
- ³⁶ См., например: *Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier, Trier, den 1. November 1918. Nr. 1. S. 1.*
- ³⁷ *Tietz J. Ein Urteil über die Verhandlung, welche auf der 15. Versammlung der Directoren der Westphälischen Gymnasien und Realschulen zu Soest, am 13. bis 17. October 1863, über den Unterricht in der Stenographie an den höheren Lehranstalten stattgefunden hat // Neue Jahrbücher für Philologie und Paedagogik / Begründet von J. Chr. Jahn; Gegenwärtig herausgegeben von Alfred Fleckeisen, Professor in Dresden, und Hermann Masius, Professor in Leipzig. Fünfunddreißigster Jahrgang. Zweiundneunzigster Band. Zweite Abteilung – für Gymnasialpädagogik und die übrigen Lehrfächer mit Ausschluss der classischen Philologie / Hg. von H. Masius. Elfter Jahrgang. Leipzig, 1865. S. 291f. Следует отметить, что ежегодник, в котором была опубликована эта статья, печатался не “немецким”, а “латинским” шрифтом: в этом тоже проявлялась его направленность.*
- ³⁸ О том, что суждения лиц, принимавших отрицательные решения о необходимости преподавания стенографии в гимназиях, базировались на предрассудках и незнании предмета, аргументированно писал Тиц – *Tietz J. Op. cit. S. 293ff.*
- ³⁹ *Historische Vorlesungsverzeichnisse der Universität Leipzig. URL: http://histvv.uni-leipzig.de/suche/?volltext=Stenographie&dozent=&von=1814 w&bis=1914s& fakultaet=Theologie+Philosophie+Jura+Medizin&start=1&l=20; Chronik der Königlich-Universität zu Breslau für das Jahr vom 1. April 1902 bis 31. März 1903. Jahrgang 17. Breslau, 1903. URL: http://www.archive.org/stream/chronikderknig-100bresgoog/chronikderknig100bresgoog_djvu.txt; Handbuch der Industrie- und Handelskammer Breslau. Breslau, 1927. (URL: www.dbc.wroc.pl/dlibra/plain-content?id=8349); Findbuch des Bestandes Abt. 47: Christian-Albrechts-Universität Kiel. Teil 1: 1665–1945 // Veröffentlichungen des Landesarchivs Schleswig-Holstein. Hamburg, 2007. Bd 90. S. 21. URL: http://hup.sub.uni-hamburg.de/opus/volltexte/2008/73/pdf/HamburgUP_LASH90_Findbuch47.pdf.*

- ⁴⁰ Вообще проблема преемственности в создании и передаче стенографического знания стояла достаточно остро: с одной стороны, у изобретателей были “ученики”, называвшиеся по-немецки словом *Jünger* (как ученики Христа), с другой стороны, они зачастую “предавали” своего учителя – начинали вносить собственные дополнения и изменения в созданную им систему.
- ⁴¹ “Ферейн” – (нем.). Союз, общество”. – *Чудинов А.Н.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1910. С. 323; “ФЕРЕЙН общество, союз”. – *Павленков Ф.* Словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка. СПб., 1907. С. 212; «Ферейн – замкнутое общество. Ср.: “Известно, что где соберутся два или три немца, там тотчас же создается у них *Bund* и *Verein* – непременно *Verein*, без *Verein*’а тут никак не обойдется... По свойству и качеству этих ферейнов, все немцы подразделяются на немцев поющих... танцующих и т.д.”» – *Крестовский Вс.* Петербургские трущобы. В 2 т. М.; Л., 1935. Т. 1. С. 51. Ср.: *Verein* (*vereinen* соединять) соединенное общество”. – *Русская мысль и речь: Свое и чужое: Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний.* СПб., 1896–1912. Т. 1–2: Ходячие и меткие слова. Сборник русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов. С. 372.
- ⁴² Встречается в Гугле около 15 тыс. раз.
- ⁴³ *Tietz J.* Op. cit. S. 298.
- ⁴⁴ См. документы, связанные с конфликтом между профессиональными учителями танцев и ферайном, дававшим уроки без лицензии: *Wiener Stadt- und Landesarchiv.* 1.3.2.119.A32 – *Gelöschte Vereine 1920–1974 9558/1925*, без пагинации.
- ⁴⁵ *Dembeck H.* Gibt es eine Stenografen-Jugend? // 76. Westdeutscher Stenografentag in Bielefeld vom 1. bis 3. Oktober 1960. O.O., o.J. S. 29.
- ⁴⁶ 100 Jahre Kurzschrift in Hamm 1887–1987 / *Stenographenverein 1887 e.V.* in Hamm. Hamm/Westf., 1987. S. 25.
- ⁴⁷ Вот два примера такой научно-теоретической работы: в конце 50-х годов XIX в. именно мюнхенская центральная ассоциация стенографистов-габельсбергерянец взяла на себя ведущую роль в деле теоретической доработки системы и устранения ее противоречий и накопившихся в локальных (баварских, саксонских, австрийских) вариантах различий. А в 90-х годах XIX в. силами штольцеанских стенографических ассоциаций Ф.В. Кэдинг осуществил гигантский исследовательский проект по статистическому анализу частотности слов, слогов и звуков в немецком языке с целью выработки оптимальных знаков для наиболее часто встречающихся сочетаний. См.: *Faulmann K.* Op. cit.
- ⁴⁸ Непереводимая формула, означающая приблизительно “Да пошлет тебе удачу апостол Петр!”
- ⁴⁹ Приблизительно переводится как “Доброго здоровья!” Гимнастические общества часто (но не всегда) заканчивали свои обращения к публике и к властям словами «с гимнастическим приветом “Gut Heil!”» – или, например, как в прошении “Кройцвегского союза гимнастов” к городским властям Золингена в 1896 г. – «С немецким гимнастическим приветом “Gut Heil!”» – см. *Stadtarchiv Solingen. Gemeindebezirk Wald.* 1450. Vereinswesen und öffentliche Lustbarkeiten 1892–1898 (далее: *StA So. W-1450*) Nr. 233. Один раз заключительная фраза «с совершеннейшим почтением и с приветом пожарников “Gut Heil!”» встречается в приглашении бургомистру на праздник добровольной пожарной дружины одного из районов Золингена в 1895 г. (*StA So. W-1450. Nr. 121*).

- ⁵⁰ Приблизительно переводится как “Всякого благополучия!” Девиз “All Heil” – на эмблеме золингенского велосипедного ферайна “По горам – по долам” в 1896 г.: StA So. W-1450. Nr. 173.
- ⁵¹ Der Pionier: Monatsschrift für Roller’sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280. Без пагинации.
- ⁵² Упоминаемые в данном абзаце населенные пункты расположены близко друг от друга, ныне они являются районами Золингена.
- ⁵³ Stadtarchiv Bochum (далее: StA Bo) B 287 Bd. 1 Vereinswesen. Bl. 140–154.
- ⁵⁴ StA So. W-1450 (1892–1898). Nr. 15, 246. “Пассивными” назывались члены ферайна, которые не занимались его основной деятельностью (в данном случае – пением), не могли избираться в правление, но имели право присутствовать на всех собраниях и мероприятиях ферайна. В некоторых организациях число пассивных членов превышало число активных.
- ⁵⁵ StA So W-1452 (1901–1905). Nr. 16; W-1453. Nr. 170. Ферайн молодых либералов, основанный в 1907 г., в год своего возникновения насчитывал 183 члена – в архиве имеется их список. Списки же стенографических ферайнов за этот год не сохранились, имена взяты из уставов, и общее количество членов неизвестно; можно лишь предполагать, что оно было больше, нежели число членов правления, подписывавших устав.
- ⁵⁶ StA So. W-1452 (1901–1905). Nr. 97; W-1450 (1892–1898). Nr. 235; W-1453. Nr. 170.
- ⁵⁷ StA So. W-1452 (1901–1905). Nr. 97; W-1450 (1892–1898). Nr. 278.
- ⁵⁸ StA So. W-1453 (1905–1908). Nr. 145; W-1450 (1892–1898). Nr. 282.
- ⁵⁹ StA Bo B 286 Vereinswesen 1877–1882. Bl. 114r–115r.
- ⁶⁰ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 19r, 20r, 27r.
- ⁶¹ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 154v.
- ⁶² StA Bo B 287 Vereinswesen. Bd. 2 Bl. 329.
- ⁶³ StA Bo B 284 Vereinswesen. Bd. 2 1883–1889. Bl. 33.
- ⁶⁴ StA Bo B 286. Bl. 218r. Члены этого клуба не охотились на зверей, а стреляли по тарелкам, занимались музыкой, чтением и прочими видами коллективного досуга.
- ⁶⁵ 100 Jahre Kurzschrift in Hamm 1887–1987 / Stenographenverein 1887 e.V. in Hamm. Hamm/Westf., 1987. S. 27.
- ⁶⁶ “Стенографических династий” я обнаружил пока совсем немного, и охватывали они лишь по два поколения. Так, в Испании первопроходцем стенографии был Франсиско де Паула Марти Мора (1761–1827); его сын Анхель Рамон Марти, пошедший по стопам отца и пользовавшийся несколько видоизмененной системой Тэйлора, был приглашен в Лиссабон работать стенографистом в нижней палате португальского парламента. Во Франции примером такой династии могут служить Огюстен Гросслен, поборник стенографии Тэйлора, и его сын Эмиль – шеф стенографического бюро палаты депутатов, занимавшийся разработкой варианта этой системы для начальных школ (*Faulmann K.* Op. cit. Passim). Если же говорить о германских землях, то надо назвать прежде всего, например, братьев Куновских, отца и сына Роллеров. Сын Генриха Штольце – д-р Франц Штольце – был не только практикующим берлинским стенографистом, но и весьма страстным участником публичных споров о сравнительных преимуществах и недостатках разных систем. Вышеупомянутый Герман Хофман – в студенческие годы руководитель стенографического кружка – потом женился на дочери Фердинанда Шрая, изобретателя одной из систем стенографии. См.: Hoffmann-Fölkersamb H. // Allgemeine deutsche Biographie & Neue

deutsche Biographie (Digitale Register) URL: http://daten.digitale-sammlungen.de/bsb00016326/image_455. В Баварии среди стенографистов-приверженцев системы Габельсбергера мы находим нескольких мужчин из семьи Лаутенхаммер: Иоганна, Родериха и Бернхарда (отношений родства между ними мы на данный момент не знаем). Один – “кандидат на преподавательскую должность” (т.е. человек, закончивший образование и, возможно, уже работающий в школе или гимназии, но еще не сдавший окончательного экзамена и потому не получивший постоянной должности) Иоганн Лаутенхаммер – был в 1863 г. избран в правление мюнхенского Центрального ферайна стенографистов, одного из оплотов школы Габельсбергера. Он был редактором журнала “*Stenographische Blätter*”, а с 1870 г., уже став преподавателем реальной школы, был выбран председателем ферайна (*Dankerl E. Chronik des Stenographen-Zentralvereins Gabelsberger in München e.V. – gegründet 1849*. URL: http://www.stzv.de/chronik%20stzv/chronik_des_stenographenvereins.htm). В 1903 г., явно в преклонном возрасте, уже будучи доктором и профессором, Иоганн выпустил учебник по стенографии Габельсбергера (*Kurzgefasstes Lehrbuch der Gabelsbergerschen Stenographie (Redezeichenkunst): Preisschrift / Herausgegeben von der ersten allgemeinen Versammlung Gabelsbergerscher Stenographen zu München. Nach den Beschlüssen des VII. deutschen Stenographentages; neu bearbeitet von Professor Dr. Joh. Lautenhammer. München; Leipzig, 1903*). О Родерихе известно, что в 1886 г. он оказался вовлечен в судебный процесс, затеянный Максом Беклером – одним из ведущих деятелей системы Штольце (*Prozess des Neustolzeaners Max Bäckler gegen den Gabelsbergianer Roderich Lautenhammer: auf Grund der in den Monatsversammlungen des Centralvereines erstatteten Berichte nach den Akten zusammengest. v. Gabelsberger Stenographen-Zentralverein München. Dresden, 1886*). В августе 1890 г. Иоганн был главным протоколистом III Международного конгресса стенографистов в Мюнхене (*Bericht über den Dritten Internationalen Stenographen-Kongress, abgehalten zu München am 11., 12. und 13. August 1890 / ([Schriftleiter]: [Johann] Lautenhammer.) [München], 1891*), а на IV Германском съезде стенографистов, проходившем там же несколькими днями ранее, одним из двух человек, ведших протокол, был Бернхард Лаутенхаммер, парламентский стенографист (*Stenographischer Bericht über die Verhandlungen des IV. Deutschen Stenographen-Tages München, den 8. und 9. August 1890: aufgenommen von den Kammerstenographen Bernhard Lautenhammer und Ernst Seidel in München / Hrsg. v. Gabelsberger Stenographen-Verein in Passau. [München], 1890*).

⁶⁷ *Нутхаммер Л.* Вопросы к немецкой памяти: Статьи по устной истории. М., 2012. С. 123: “Знакомый [Эрики, работницы заводской канцелярии] по стенографическому обществу и молодежным церковным кружкам, тоже конторский служащий, был в армии, куда она ему слала ободряющие письма; во время отпуска он приезжает домой, и она с ним обручается, а в сентябре 1945 г. он возвращается, и через несколько месяцев они женятся”.

⁶⁸ Здесь и далее в описании черт сходства и различия между разными видами ферайнов я опираюсь, помимо собственных архивных штудий, на книгу *Düding D. Organisierter gesellschaftlicher Nationalismus in Deutschland (1818–1847): Bedeutung und Funktion der Turner- und Sängervereine für die deutsche Nationalbewegung. München, 1984. S. 219–249*.

⁶⁹ *Düding D.* Op. cit. S. 226.

⁷⁰ *Ibid.* S. 223, 233.

⁷¹ *Ibid.* S. 229ff.

⁷² Ibid. S. 219, 227, 229.

⁷³ Ibid. S. 249ff.

⁷⁴ Wiener Stadt- und Landesarchiv. 1.3.2.119.A32.1926.8672.

⁷⁵ Der Tiro: Vereinsnachrichten des Stenographen-Vereins Scheithauer zu Trier. Nr. 1 Trier, den 1. November 1918.

⁷⁶ *Düding D.* Op. cit. S. 245ff.

⁷⁷ Ibid. S. 248f.

⁷⁸ Der Pionier: Monatsschrift für Roller'sche Stenografie. Berlin, 1. April 1903. XXIV. Jg. Nr. 280, без пагинации.

⁷⁹ *Düding D.* Op. cit. S. 242.

⁸⁰ Ibid. S. 235f.

⁸¹ Ibid. S. 328.

⁸² См., например, сборник стихов и песен силезских стенографистов школы Штольце: *Ad C.* Gedichte und Lieder der Stolzeaner Schlesiens. 1886. S. 1.